
МАРИЯ ВОРОНОВА

~~~~~ роман ~~~~~

У ТЕБЯ ЕСТЬ Я

Книги Марии Вороновой
для тех, кто не ждет от жизни чудес, а знает, что счастье
в семье дается ежедневной
заботой, любовью, верностью
и преданностью.

А. МАРИНИНА

Мария Владимировна Воронова
У тебя есть я
Серия «Большая любовь.
Романы М. Вороновой»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39998147
У тебя есть я: Эксмо; М.; 2019
ISBN 978-5-04-100059-2

Аннотация

После смерти новорожденного сына подполковник Зиганшин с женой Фридой усыновили троих детей. Фрида сразу приняла и полюбила их, а у Зиганшина не получается, дети остаются для него чужими и не помогают унять боль утраты. И жене теперь не до него, она поглощена материнскими заботами. Чтобы спастись от тоски, Зиганшин активно включается в расследование взрыва в доме известного профессора, и, кажется, чужие семейные тайны помогут ему разобраться в себе и многое переосмыслить.

Мария Владимировна Воронова У тебя есть я

© Воронова М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Маргарита не могла понять до конца, что мужа больше нет и никогда не будет. Он погиб у нее на глазах, но все равно, просыпаясь одна каждое утро, она пыталась услышать рядом его ровное дыхание.

Проходило, наверное, несколько минут, прежде чем она понимала, что дома одна и муж никогда сюда не вернется. Маргарита быстро вставала, стелила постель и бежала готовить завтрак: овсянка, круассан и кофе. Завтрак всегда был одинаковым.

В то утро Маргарита как раз сделала большую порцию слоеного теста и забила морозилку этими пижонскими булочками, которые так любил муж, и довольно странно было думать, что вечером он погиб, сама она провела неделю в больнице, а круассаны мирно ждали своего часа, и ничего с ними не произошло.

И Маргарита их ела, потому что они были из прошлой, счастливой, жизни.

И овсянку варила по той же причине.

После завтрака начинался пустой и бессмысленный день, когда идти некуда и не к кому, да и заняться особенно нечем. Маргарита убирала квартиру, готовила обед, все, как при муже, но времени, которого раньше всегда не хватало, вдруг сделалось неправдоподобно много.

Никто не звонил и не писал ей: друзья и родственники исполнили свой долг, помогли, побывали и у мужа на похоронах, и у нее в больнице, теперь она должна сама обращаться к ним за поддержкой и сочувствием. Но Маргарита не хотела никого обременять, зная, что люди не любят горя.

Она сходила бы в зал, но боялась, что ее сочтут бездушной, или, как говорила мама, «черствой», если она встанет на беговую дорожку так скоро после смерти мужа.

Какое слово – «черствая»... От безделья Маргарита начинала мысленно катать это словечко, как гоняют леденец во рту. Что оно значит? Синонимы, антонимы какие у него? Черствый – мягкий? Нет, это твердый – мягкий, а черствый какой? Сдобный?

И Маргарита поднимала голову, чтобы спросить мужа, и только через несколько секунд вспоминала, что его больше нет.

При выписке из больницы ей дали визитку психолога, и Маргарита думала, что надо бы сходить, но тут же возражала

себе, что она не сумасшедшая, так зачем отнимать время у занятого человека? Ни один психолог, даже самый лучший, не вернет ей мужа, а с горем она когда-нибудь справится. Или нет, но это уже не важно.

Странно, но самой крепкой нитью, связывающей Маргариту с миром, оказались полицейские, расследующие дело о взрыве. И то они стали беспокоить ее все реже и реже, наверное, окончательно сняли все подозрения. Поняли, что такая не приспособленная к жизни особа, даже если и хотела избавиться от мужа, не в состоянии смастерить взрывное устройство или заказать его в интернете, и утратили к ней всякий интерес.

Маргарита выставила сигналы телефона на максимальную громкость, и часто проверяла его, но не было ни пропущенных звонков, ни сообщений. Ее будто выкинуло из потока жизни...

* * *

Если бы перед Мстиславом Зиганшиным вдруг появился волшебник или, на худой конец, золотая рыбка с вопросом: «Чего тебе надобно, старче?» – он без малейших колебаний ответил бы: «Спать». Ни на секунду бы не задумался.

Раньше, особенно в молодости, он легко переносил дежурства в авральном режиме и считал себя стойким к бессоннице человеком. Но тогда у него не было маленьких де-

тей.

Фрида предлагала ему ночевать отдельно, в гостиной, например, или у Льва Абрамовича, все-таки муж один кормит семь ртов и имеет право на полноценный отдых, и Зиганшин в принципе был с ней согласен, но покинуть супружеское ложе в самый ответственный момент... Нет, он не слабак и не предатель!

Вот и ходил как зомби, каждую свободную минутку используя на то, чтобы вздремнуть, и, наверное, незаметно для себя перешел на какой-то новый уровень, потому что мог теперь выключиться из любого положения.

Как голодающий с тоской вспоминает о блюдах, которые когда-то мог съесть, но не захотел, так и Зиганшин сокрушался о зря растраченных часах. Как можно было быть такими идиотами, чтобы по полночи смотреть сериалы или, того хуже, лежать и пялиться в потолок, размышляя о всякой ерунде? Непростительная расточительность! Зиганшин чувствовал, что еще чуть-чуть, и секс тоже покажется ему преступной тратой времени, отведенного на сон.

Разобравшись со срочными делами, Зиганшин вернулся к себе в кабинет и сел якобы за компьютер, а на самом деле немножко подремать. Голова плыла, и требовалось дать себе несколько минут быстрого «волчьего» сна, чтобы снова мыслить ясно.

Откинувшись на пружинящую спинку офисного кресла,

он закрыл глаза и почти отключился, как вдруг услышал громкий стук в дверь, которая сразу же широко отворилась.

В кабинет стремительно вошла очень полная и очень накрашенная женщина в сером сарафане и яркой шелковой кофточке.

– Здравсте! – сказала она, с грохотом потянув для себя стул. – Наконец-то я до вас добралась!

– Звучит зловеще, – пробормотал Зиганшин.

Посетительница энергично протянула ему руку. Мстислав Юрьевич пожал, отметив, что у гостьи, несмотря на полноту, изящное запястье и тонкая кисть.

Вообще она, наверное, была бы довольно миловидной, если б не тонны жира и косметики.

Женщина села напротив и заговорила:

– Ну вот, наконец-то познакомились лично! А то все по телефону да по бумажкам дела ведем, а ни я вас на улице не узнаю, ни вы меня!

– Теперь-то узнаю, не беспокойтесь. А с кем имею честь?..

– А, точно, точно! Я ж не представилась! Анжелика Станиславовна Ямпольская, новый следователь из комитета.

«Ох ты ж!» – подумал Зиганшин.

– Можно просто Анжела, – улыбнулась Анжелика Станиславовна, – имечко так себе, ну да ты меня понимаешь, Мстислав Юрьевич.

Он хотел заметить, что не переходил на «ты», но не смог вклиниться в ее напористую речь.

– А я к тебе с претензией, – продолжала Ямпольская, – что у тебя опера квелые такие? Еле шевелятся!

– Нормальные опера.

– Да ну где там! А дело-то такое, что шуршать надо будь здоров!

Зиганшин нахмурился. Он понял, о каком деле говорит Ямпольская.

– Ой, я тебя умоляю! Убери мнение с лица! Ничего не получается, когда ничего не делаешь, а когда что-то делаешь, что-нибудь обязательно да получается.

– И ведь не возразишь.

– Ну а то! В общем, давай, родной, накрути своих, пусть работают, и сам подключайся! Не сиди, а мысли! Я слышала, «чайник» варит у тебя.

– Устаревшие сведения, – буркнул Зиганшин, которому, несмотря на злость и изумление, все же трудно было удерживать глаза открытыми.

– Что так?

– Ничего. Я вас услышал. – Зиганшин считал, что эта фраза оскорбительна для любого человека, но посетительнице все было нипочем.

– Ну вот и давай, вникни! Посмотри свежим глазом, может, мы что-то пропустили. – Анжелика Станиславовна поднялась. – Поднажми, родимый!

– Да вы что, дамочка, какой я вам родимый, – сказал Зиганшин в спину Ямпольской.

Она точно его слышала, но виду не подала.

Зиганшин вышел вслед за ней в коридор и проводил взглядом шарообразную фигуру. Надев шубу, которую за чем-то оставляла у дежурного, Анжелика Станиславовна из шара превратилась в эллипсоид, или, вернее сказать, геоид, и, подумав так, Зиганшин обрадовался, что кое-какие школьные знания еще держатся в голове.

– Что это сейчас вообще такое было? – спросил он у начальника отдела, как раз вышедшего из туалета.

Начальник взял его за локоть и повел к себе:

– Я сам обалдел, – сказал он задумчиво, – врывается вдруг такое туловище с лицом, и начинает с места в карьер права качать. Но как только вник, сразу ее к тебе отправил.

– Спасибо, товарищ полковник.

– Не за что.

– Откуда она вообще взялась?

– Вынырнула из трясины декретов, – хмыкнул начальник. – Следственный комитет уже воеет от нее. Сам знаешь, там люди все интеллигентные, тонкие подобрались, и вдруг такое. Беспардонность, говорят, ее второе имя.

– Да у нее и первое-то не ахти, – улыбнулся Зиганшин.

– Ежу понятно, что это никакой не работник. Всю жизнь просидела следователем в жуткой глухомани, и то либо в декрете, либо на больничном с детьми. Представляешь, какая это была головная боль для руководства?

– Да ужас. Работника нет, а ставка занята, и никого на нее не возьмешь, хоть ты умри.

– В общем, никто бы ее никуда не взял, но у нее муж какая-то шишка. Вот эта Анжелика Станиславовна и наглеет. Ничтожный следователь, даже не по важным делам, а в любые кабинеты вламывается – как к себе домой. Детей навоспитывалась, теперь вот решила проявить себя на ниве профессионализма. Дело о взрыве хапнула, хотя, конечно, никто особо не возражал.

– Ну да, кому охота на себя лишний глухарь вешать...

– Короче, амбиций там выше крыши, так что она из вас душу вынет, а раскрытие обеспечит. Дело-то резонансное.

– Да пусть старшие братья надрываются. Взрыв же, не хухры-мухры.

Начальник покачал головой и взглянул на Зиганшина с ленинской хитринкой:

– Старшие братья пусть как хотят, а тебе громкое раскрытие совсем не помешало бы. Я иду на повышение и буду тебя рекомендовать на свое место.

– Спасибо, товарищ полковник.

Зиганшин думал, что неожиданная новость лишит его сна, но ошибся. Вернувшись от начальника, он первым делом покемарил десять минут, и только потом стал думать о будущем.

Повышение – это, конечно, хорошо, только вряд ли реа-

листично. Сейчас помашут перед носом перспективой, как морковкой перед ослом, чтобы вызвать в нем всплеск активности, а потом пришлют кого-нибудь со стороны. Дело известное.

Трудись, заслуживай, а мы тебя прокатим.

«А вы любите меня таким, какой я есть, – усмехнулся Зиганшин, потягиваясь в офисном кресле, – вот женщины же обижаются, когда им говорят, что женишься, если они научатся хорошо готовить, убираться и покажут чудеса в постели. Ну да, от такого заявления сразу по морде схлопочешь, если женщина нормальная. А сам должен терпеть и выслуживаться, раскрывать все подряд, пусть всем и так ясно, что я с новыми обязанностями прекрасно справлюсь. Хотя... Куда мне теперь с таким выводком покорять карьерные вершины? Все же это было опрометчивое решение – усыновить троих детей. Альтман, зараза, подловила нас, когда мы еще не способны были мыслить здраво... А теперь все. Обратно, как говорится, не засунешь».

Зиганшин вскочил от первого звонка будильника, как мог тихо вышел из комнаты, чтобы не потревожить Фриду и угномившихся только к рассвету малышей, в одних трусах выбежал во двор и быстро растерся снегом, чтобы проснуться.

Немного постоял на крыльце, вдыхая колючий морозный воздух.

– Шесть утра, – вздохнул он, – скотина не доена, баба не

мята.

Больше всего на свете хотелось вернуться в кровать, обнять Фриду, почувствовать ее уютное родное тепло, а потом... Нет, пожалуй, все-таки уснуть. Просто уткнуться носом в затылок жены и спать.

Зиганшин протяжно зевнул и вернулся в дом. Стуча хвостом, подбежала Найда, он запустил руки в ее густую шерсть и потерся щекой о холодный мокрый нос. Это были минуты, принадлежащие только человеку и собаке.

Далеко в прошлом остались неспешные сборы на службу, тщательное и приятное бритье, долгий утренний кофеек и плотный завтрак. На эти удовольствия уходил целый час, а то и полтора – непростительная расточительность. Теперь Зиганшин брился и завтракал за рулем, в те минуты, когда это позволяла дорожная ситуация. Пришлось даже купить электробритву, хотя Мстислав Юрьевич презирал мужиков, пользующихся этим прибором, и в свое время клялся, что сам ни за что делать этого не станет. Ох, не зря мама предупреждала его никогда не зарекаться...

От всех утренних удовольствий пришлось отказаться, кроме одного – общения с Найдой. Она была крупная овчарка, не злая, но все же воспитанная как служебная собака, а не как болонка, и Зиганшин немного опасался оставлять ее наедине с Фридой и малышами. Он на девяносто девять и девяносто девять сотых процента был уверен, что Найда не станет проявлять агрессию, но одна сотая так его пугала, что

он стал на день отводить обеих собак ко Льву Абрамовичу. «Дедушка старый, ему все равно», – неизменно говорил тот, принимая Найду с Пусиком. Собаки хорошо к нему относились, но для Найды настоящим хозяином оставался Зиганшин, и он считал, что каждый день должен напоминать ей, что любит ее ничуть не меньше, чем когда в доме не было никого, кроме человека и его собаки.

Этот самый Пусик, молодой вельш-корги, был взят специально для племянников, считался детской собакой и Зиганшина не слишком уважал.

Зиганшин отвечал ему тем же, свою искреннюю любовь и уважение отдавая Найде.

– Ты моя хорошая, моя радость, – приговаривал он, чесал Найду за ухом и потихоньку от самого себя дал ей кусочек сахару. Делать это, конечно, было не нужно, потому что собака в последнее время заметно потолстела, но как иначе выразить свои чувства...

Вдруг он увидел девочку, неподвижно стоящую в дверях кухни. Пришлось сделать усилие, чтобы вспомнить, что эта малышка в пижаме с зайчиками и спутанными со сна прекрасными золотистыми волосами – его приемная дочь Света.

Вот так, две девочки Светы в одной семье, и обе слишком большие, чтобы называть одну из них как-то иначе.

Под пристальным взглядом ребенка Зиганшину стало неуютно, и он быстро натянул джинсы и толстовку.

– Ты что не спишь? Попить хочешь?

Не дожидаясь ответа, он налил воды в чашку и дал ей. Девочка послушно попила, глядя на него не со страхом, а как-то заворуженно. Зиганшину стало совсем не по себе. Он не знал, что сказать этому ребенку.

– А можно погладить собачку? – вдруг спросила Света шепотом.

Он хотел разрешить, а потом вдруг представил, как маленькая детская ручка исчезает в Найдиной пасти, и так испугался, что быстро притянул к себе собаку.

– Лучше не надо, – сказал он хрипло, – лучше не подходи к ней.

Девочка молча смотрела на него.

– Иди поспи еще, Светик, – Зиганшин растянул губы в улыбке, понимая, что никого этим не обманывает, – успеешь еще вставать в такую дикую рань, уж об этом жизнь позаботится.

Он хотел обнять девочку, но она отпрянула и побежала вверх по лестнице.

Зиганшин выехал с тягостным чувством. Погладить собачку, надо же! Все же как крепко сидит в детях эта потребность гладить, обнимать, любить... Самого Зиганшина в детстве тоже было не оторвать от злых собак и помойных кошек, тоже была какая-то неистребимая тяга коннектиться с живыми существами. Ребенком он любил мир, и мир долго отвечал ему тем же, а вот к этой девочке повернулся спиной.

Близнецы только появились на свет, они не знают, что их биологическая мать умерла, и будут считать настоящими родителями их с Фридой. Потом можно рассказать, что они приемные, а можно не рассказывать, это не так уж важно, настоящей боли от потери матери они не узнают. А Света – совсем другое дело. Ей пять лет, уже сознательный возраст. Каково это – узнать, что мать умерла, и в одночасье оказаться среди незнакомых людей, которых теперь следует считать родителями?

Зиганшин нахмурился, не в силах представить себе состояние души девочки. Вдруг они с Фридой совершили ошибку и надо было усыновить только близнецов, а Свету отдать каким-нибудь родственникам, которых она знает? Троих детей трудно поднимать, это да, не всякий способен, а одну престельную девочку почему бы не взять в семью? Света красивый и спокойный ребенок, она хорошо воспитана, не стала бы обузой и видела бы вокруг родные лица, а не его угрюмую физиономию.

А с другой стороны, если родственники не готовы взять всех троих, то и одного им доверять опасно.

Впрочем, что теперь размышлять, дело сделано. Надо думать, как девочке помочь.

Но Зиганшин этого не знал, потому что никак не мог представить себя на ее месте.

В пять лет смерть открывалась ему мертвым кротом, бархатистым черным тельцем, неподвижно лежащим среди цве-

тов, и жутким черепом с молнией в глазу на жестяной, чуть тронутой ржавчиной табличке: «Не влезай – убьет», привинченной к столбу линии электропередач. Табличка тоже явилась ему летом, в ясный солнечный день, небо было голубым и ярким, сияло солнце, вокруг цвели иван-чай и лютики, желтые, как солнце. На краю поля росла старая яблоня, в изумрудной листве светились плоды, и почему-то страшный череп с веселым оскалом и пустыми глазницами показался маленькому Мите вполне логичным и необходимым среди всей этой красоты.

Но все это была лишь сказка, пусть и страшная. До его взрослых лет смерть махала своей косой где-то вдалеке, и он о ней почти не думал. А уж в пять лет родители точно казались ему бессмертными богами, которые всегда будут рядом!

Нет, он не знал, чем помочь этой девочке. Оставалось только надеяться, что женщины лучше разбираются в таких вещах, да и вообще ладят с детьми тоже лучше. Фрида сможет утешить Свету, а он мужик, что возьмешь? Его задача – обеспечивать свою семью, чем он и займется.

Как раз открылся ровный и прямой участок дороги, и, чтобы отвлечься от грустных мыслей, Зиганшин глотнул кофе из термокружки, хорошо откусил от половинки батона (для экономии времени он теперь не делал себе даже бутерброд) и стал думать о деле, раскрытие которого якобы сулило ему повышение по службе.

Две недели назад в доме, не так давно построенном на территории их отдела, раздался взрыв. Погиб один человек, двое получили травмы разной степени тяжести.

Одна из них, хозяйка квартиры, до сих пор находилась в крайне тяжелом состоянии, и врачи давали пессимистические прогнозы, а вторая, гостя по имени Маргарита Павловна Рогачева, отделалась легкой контузией, и дала подробные показания.

Около восьми часов вечера в дверь позвонили. Хозяйка решила, что это муж, и отправилась открывать, но через несколько минут вернулась в гостиную, держа в руках пакет. Это оказался «пузырный занос» от бывшего аспиранта мужа из Краснодарского края, благодарного и признательного парня, который при каждой okazji присылает научному руководителю виноградную чачу производства своего дедушки. Напиток волшебный, в магазине такой не купишь.

Оксана Максимовна, так звали хозяйку, очень обрадовалась неожиданному подарку и сказала, что это просто здорово – получить нежданный привет от Алеси Седова именно сейчас, когда у нее такие приятные гости. Теперь она может угостить их чем-то исключительным, таким, что они никогда и нигде и ни за какие деньги не попробуют.

Прежде чем открыть пакет, Оксана Максимовна позволила мужу, который отсутствовал дома, рассказала про подарок и позлорадствовала, что сейчас будет с гостями вкушать чудесный нектар, пока он «там сидит», а поскольку ча-

ча очень уж хороша, то, может, он даже понюхать не успеет.

И муж действительно не успел. Когда стали открывать пакет, сработало взрывное устройство. Гость, Константин Иванович Рогачев, погиб на месте, Оксана Максимовна Дымшиц получила тяжелые травмы, а Маргариту Павловну, жену погибшего, спасло только то, что хозяйка попросила ее принести из кухни что-нибудь для закуски, пока она достает рюмки.

Женщина вышла из гостиной за едой, а вернулась уже на место преступления.

Погибший Рогачев был довольно заметной фигурой в российской культурной жизни. Известный литературовед, он, помимо научных изысканий, занимался еще и публицистикой, писал критические статьи, издал несколько книг о творчестве русских классиков, но сфера его интересов вся находилась в культурном поле. Он хоть и придерживался либеральных взглядов, но ярым политиком не являлся, каких-то острых высказываний себе не позволял и великодержавным шовинистом, равно как и апологетом православия, точно не был, так что вроде как и нечем было ему привлечь к себе интерес террористических организаций.

Только по всему выходило, что Рогачев погиб случайно, а преступление планировалось против хозяина, Давида Ильича Дымшица, который на роль жертвы террористов годился еще меньше.

Кто мог ополчиться на скромнейшего, тишайшего про-

фессора, заведующего кафедрой русской литературы? Какие-нибудь филологи-радикалы, требующие жи-ши писать через Ы? Или, наоборот, ультра-консерваторы, возмущенные тем, что кофе теперь допускается склонять в среднем роде?

Зиганшин усмехнулся. Раньше, до ввода ЕГЭ, вполне правдоподобной выглядела бы версия о мести абитуриента. Обещал профессор устроить в вуз и прокатил, так получи, фашист, гранату, причем в прямом смысле слова. Да, эта версия стала бы ведущей, тем более что лет тридцать назад действительно было совершено такое преступление. Тоже передали заведующему кафедрой бутылку коньяка со взрывным устройством, и тоже погиб случайный человек.

Но сейчас положение дел изменилось. Теперь профессора ничего не решают. Получил низкий балл, и все, пролетаешь, никакие взятки не помогут. С другой стороны, квартира Дымшица куплена явно не на профессорскую зарплату. Три комнаты, высокие потолки, престижный район. А жена – домохозяйка. Со студентов берет? Или диссертации за деньги пишет? Допустим, наваял опус какому-нибудь очень тупому аспиранту, деньги взял, а того на защите прокатали... Вариант, надо покопать в этом направлении.

А терроризмом пусть занимаются представители другого ведомства, они именно за это деньги получают.

Проехав поворот, Зиганшин откусил еще от батона и стал думать дальше.

Хуже нет – разбираться в преступлении, когда даже не знаешь точно, кто именно должен был стать его жертвой.

Идея собраться у Дымшицев возникла стихийно. Утром Оксана Максимовна позвонила Маргарите Павловне с вопросом, как делать холодец.

Рогачева готовила если не как сам бог, то как его заместитель по кулинарным вопросам, к ней часто обращались за консультацией, так что интерес Оксаны не удивил женщину, и она пустилась в подробные объяснения. Оксана только вздыхала в трубку, а потом прервала урок, заявив, что неспособна на такие подвиги. «Зато ты отлично шьешь», – утешила Маргарита. Слово за слово, и из бездны забвения всплыли скатерти, которые сто лет как надо подрубить, и пара Маргаритиных юбок со сломанными «молниями». В результате женщины договорились, что вечером соберутся у Дымшицев. Маргарита приготовит что-нибудь вкусненькое, а Оксана сядет за швейную машинку, мужа как раз обсудят новый сборник статей, и в целом замечательно проведут время.

Только человек предполагает, а бог располагает. Рогачевы прибыли к Дымшицам в назначенное время, но не успела Маргарита вручить хозяйке контейнеры с заготовками для ужина, как прибежала соседка сверху. У мужа случился сердечный приступ, и нужно помочь врачам спустить носилки. Давид Ильич отправился на помощь, а Константин Иванович остался с дамами, потому что еще один доброволец уже нашелся, а больше не требовалось.

Соседка металась: ей хотелось поехать с мужем в больницу, но нельзя было оставить двоих маленьких детей одних в квартире, и Давид Ильич любезно вызвался посидеть с ними, пока она не вернется, тем более врач сказал, что больница, в которую их направили, находится буквально через дорогу и часа за два женщина точно обернется.

Дымшиц остался в квартире соседки с детьми, а внизу Оксана с Маргаритой, решив отложить ужин до возвращения хозяина, расчехлили швейную машину, а Константин Иванович погрузился в научные материалы, которые Дымшиц дал ему, уходя.

Мирная идиллическая картинка, будто со страниц старого английского романа.

И тут раздался звонок в дверь...

Как ни говори про правила личной безопасности, все же в целом люди остаются крайне беспечны. Мы типа филологи, приличные люди, живем в приличном доме, разве может с нами случиться что-то плохое?

И если какой-то незнакомец звонит в дверь и протягивает непонятный пакет, заявляя, что это чача от Алеши Седова, разве может там оказаться что-то другое?

Почему никто не насторожился, что не было предварительного звонка от Алеши, или хотя бы человек, которого попросили передать божественную чачу, сам не позвонил заранее, не уточнил, будет ли кто-то дома?

Алеша Седов – хороший парень, значит, его именем не

могут воспользоваться плохие люди, – идиотическая логика, доверчивость, стоившая жизни человеку, а если врачи не помогут, то и двоим!

Ну ладно, Оксана Максимовна не сообразила, но сам Дымшиц? Профессор, а мозгов не хватило насторожиться! Родной муж, неужели нигде не екнуло, не трепыхнулось, чтобы перебить смеющуюся жену: «Ничего не трогай до моего возвращения!»

Ладно, что теперь...

После взрыва Алешу Седова плотно взяли в оборот красnodарские оперативники. Перепуганный парень показал, что последний раз отправлял гонца с бутылкой для Давида Ильича три месяца назад. Он уже семь лет снабжает любимого профессора дедовской чачей – единственный алкогольный напиток, который Дымшиц употребляет с удовольствием. Жена его вообще полная трезвенница, пышных пьянок они не устраивают, живут скромно, так что бутылка обычно не успевает иссякнуть, как Алеша уже присылает следующую.

Он не является закадычным другом Давида Ильича, но во время учебы был вхож в дом, узнал уклад семьи и теперь с большой долей вероятности может предположить, что если бы Дымшиц в тот вечер был дома и без гостей, то открыл бы подарок в своем кабинете, чтобы спокойно наедине с собой посмаковать рюмочку. Оксана Максимовна точно пить с ним не стала бы.

Парня немножко помотали, но, в самом деле, не идиот же он так подставляться! Кто мог воспользоваться его именем, бывший аспирант затруднился ответить. Пока он учился в аспирантуре, его знала вся кафедра и с нетерпением ждала дедушкиных посылок, а теперь он уже три года как дома, и в Питере все давно о нем забыли. Здесь же в курсе дела только те, кого он просил передать чачу. Это двоюродный брат, лучший друг и тетя Лариса. Они часто летают в Питер, но далеки от литературы, и профессора Дымшица знают только как адресата. Тем более Давид Ильич и Оксана Максимовна люди деликатные и всегда договаривались о встрече в удобном для посланца месте, а тетю Ларису Дымшиц вообще встречал в аэропорту и подвозил, куда ей надо. Дома у них бывал только двоюродный брат, который еще молодой, может и побегать.

Оперативники проработали указанных лиц, включая шестидесятилетнюю тетю Ларису, только зацепиться оказалось не за что.

В отчаянии допросили деда, но тут доподлинно установили только одно: свидетели не ввали, чача действительно выше всяких похвал и похмелья после нее не бывает.

В остальном старик ничем не помог следствию. Внук просил продукт – он выдавал без всяких вопросов.

Кажется, краснодарские коллеги хотели отличиться, показать класс питерским, потому что сработали быстро и красиво, жаль только, что впустую. По оперативной информа-

ции, собранной ими, у Алеши Седова не было причин убивать своего профессора, а у Дымшица и Рогачева не обнаружилось никаких дел в Краснодарском крае, ни настоящих, ни прошлых. Похоже, они даже отдыхать туда никогда не ездили.

Искать нужно здесь, и первое, что необходимо, – найти истинную жертву.

По логике, все указывает на Дымшица. Взрывное устройство не подкладывают спонтанно, в состоянии сильного душевного волнения. Его надо или собрать самому, или купить, а этот товар не продается на каждом углу. Придется поискать, причем с риском, что поймают. Кроме того, у тебя всего одна попытка, поэтому надо хоть маленько изучить свою цель, чтобы в нее попасть. Что ж, если преступник узнал про Алешу Седова, то должен был выяснить и другие привычки Давида Ильича: на какой машине ездит, когда бывает дома...

Допустим, преступник выясняет, что профессор живет замкнуто, вечера проводит дома с женой, а перемещается на «мерседесе» красного цвета номер такой-то. Известно ему и о том, что Оксана Максимовна не пьет, и Дымшиц порой пропускает рюмочку-другую в тиши своего кабинета.

Профессор живет скучно, размеренно, в конце концов, он недавно отметил полувековой юбилей, и каждый его день похож на предыдущий, и разнообразие в эту жизнь привнесут теперь только болезни.

Среда была такой же, как вторник и понедельник, значит, четверг будет, как среда, заключает он и прибывает к дому профессора в девять вечера, когда все добропорядочные граждане сидят дома. На парковке он видит машину Дымшица – и правда, дома. «Скорая» уже уехала, как он догадается, что Давид Ильич сидит с соседскими детьми? Правильно, никак. И о том, что у Дымшицев гости, тоже неоткуда ему узнать. Сейчас люди вообще редко навещают друг друга, а уж в будний день и вовсе почти никогда.

Да, по всему выходит, что жертва – Дымшиц, и спасла его только случайность.

А если нет? Если это Оксана Максимовна? Возможно, но маловероятно. Чачу-то пьет Давид Ильич, он бы и открыл. Или расчет был на то, что хозяйка сама распакует подарок? В любом случае преступник не мог быть уверен, кто из супругов погибнет, так, может быть, он ненавидит всю семью, и все равно, кто пострадает, он, она или оба?

Предположение, что жертвой изначально был Константин Рогачев, хоть и подкупает своей нетривиальностью, но весьма шатко.

Если бы хоть визит к Дымшицам планировался заранее, можно было бы как-то пофантазировать насчет логики злодея, но решение было принято спонтанно, причем женами. Сам Константин Иванович узнал, что идет в гости, только к концу рабочего дня. Значит, за ним должны были неусыпно следить или прослушивать телефонные разговоры, а если у

тебя есть на это мощности, то ты можешь и нанять приличного киллера, а не совать наобум святых самодельное взрывное устройство.

Да, вроде бы так изящно все продумал, грохнуть человека в гостях, а Дымшиц взял и жадный оказался. И поставил чачу в кабинет себе, в специальный глобус или что там у него для этой цели служит. Кофейком угостил, и до свидания. Может, только через неделю решил пропустить рюмочку, и взорвался бы. Оно, конечно, поделом ему, раз такой жмот, но истинная цель-то, Рогачев, жив-здоров, коптит небо как ни в чем не бывало!

Нет, слишком уж вычурно, даже если представить, что человек, желающий убить Рогачева, знает, что у его друга Дымшица есть аспирант Седов с бесперебойными поставками чачи.

Достаточно реалистичной выглядела поначалу версия о том, что преступление спланировала и осуществила жена Рогачева Маргарита. В самом деле, жена всегда первой подозревается в убийстве мужа, и, чтобы этого избежать, надо подойти к делу творчески. Вот дама и обставилась. Оксана Максимовна была, к примеру, любовницей Константина, жена узнала и решила отомстить.

Достала где-то взрывное устройство и напросилась в гости. Дымшиц остался у соседки, но это не смутило преступницу, а может, и обрадовало. Наверное, она сама хотела его услатить под благовидным предлогом, а тут такая оказия. Дым-

щиц свалил, Маргарита достала из сумочки якобы бутылку: «Ой, смотрите, что у меня есть! Ах, я и забыла! Скорее открывайте, а я в кухню за закуской метнусь!» Ну а потом уж насочиняла про гонца от Алеши Седова.

Логично все, но куда девать звонок Оксаны мужу? Это улика, от которой не отмахнешься. Женщина четко сказала, что приходил гонец от Седова и принес чачу. Сложно придумать разумные аргументы, с помощью которых можно убедить человека сочинить такое для родного мужа. Зиганшин, как ни напрягал фантазию, не смог. Стало быть, у Маргариты как минимум был сообщник, принесший взрывное устройство. И очень сомнительно, что она рискнула бы использовать его втемную. Взрывчатка – это не наркотики, когда человек ее переносит, он должен знать, что держит в руках, иначе беды не оберешься. И не обязательно это будет взрыв. Посыльный возьмет да и сунет в пакет свой любопытный нос: «А что это у нас такое? Хм-хм, очень подозрительная штучка. Не позвонить ли мне в полицию?»

Был еще один момент, косвенно свидетельствующий в пользу невиновности Маргариты. Если бы женщина находилась в кухне в момент взрыва, то не пострадала бы совсем, но как только она открыла холодильник и стала разглядывать свои контейнеры, выбирая, что лучше подать в качестве закуски, раздался звонок ее мобильного, лежащего в коридоре на тумбочке для обуви.

Рогачева побежала отвечать, и тут все и случилось. Жен-

щину серьезно ударило взрывной волной и посекало осколками зеркала из прихожей.

Если бы она сама организовала это преступление, то спокойно переждала бы на кухне, не бросилась отвечать на звонок. В конце концов, она домохозяйка, а не сапер, и не могла быть уверенной в том, что не погибнет, выйдя в коридор. Нет, не стала бы она выскакивать из безопасного места!

Чудесное спасение Дымшица тоже выглядит подозрительно. Не только жены убивают мужей, мужья тоже небезгрешны. Давид Ильич – литератор, фантазия работает, вот и придумал целый спектакль, но если бы не показания Маргариты Рогачевой, сидел бы сейчас в КПЗ как миленький. А так получается, или он не виноват, или тоже сообщник был, что принес в дом злополучный подарок. А зачем он был нужен, сообщник этот, когда проще самому принести взрывчатку, а потом сочинять про Алешу Седова хоть до посинения? И свидетели зачем? Кто мешал перенести запланированное преступление на другой день или дожждаться, пока гости уйдут?

А самое главное, инфаркт соседу он подстроить никак не мог. Все что угодно другое мог, а инфаркт – нет.

Зиганшин вздохнул. Зря Анжелика Станиславовна гонит на его оперативников. Озарений уровня Шерлока Холмса от них, может, и не дожждаться, но проверить болезнь соседа ума хватило. Все, конечно, при желании можно инсценировать, но согласиться на операцию, чтобы обеспечить алиби това-

рищу – это уж сильно чересчур. Нет, инфаркт самый настоящий.

Так что на девяносто девять процентов все замыслилось против Дымшица.

Есть, правда, еще один вариант: преступник хотел убить всех четверых. Что же могло произойти в жизни этих людей, какое зло они совершили?

Это же очень непросто – найти взрывное устройство, потом затаиться, следить за жертвами, выжидать, пока они соберутся вместе... Это труд, риск и время. На подобное идут ради чего-то очень серьезного. Какая же тайна связывает этих четверых?

Подумав так, Зиганшин почувствовал нет, не азарт, конечно, для этого он слишком хотел спать, но слабую тень былого оперативного интереса.

* * *

Вернувшись из магазина, Маргарита сначала разобрала покупки, вымыла руки, приготовила себе кофе, и лишь после этого взглянула на экран телефона, который специально не брала с собой. Ей нравилось надеяться, что кто-то звонил, пока ее нет.

Увы, ни одного пропущенного звонка. Сейчас люди почти не звонят по телефону, больше пишут сообщения и общаются в сетях. Кажется, профилей в «ВКонтакте» и на «Фейс-

буке» нет только у нее и у Оксаны. Оксана сама не хотела, понятно почему, а Маргариту муж просил не заводить. Он был известным человеком и в своих статьях, книгах и выступлениях всегда говорил, что думает, иногда острые, нелицеприятные вещи. «Тебя просто заклюют, моя дорогая, а ты у меня такая нежная и наивная, что физически заболеешь от потока гадости, которую выльют тебе на голову разные неадекватные граждане, которых в Сети невероятное количество. Кроме того, тебя станут осаждать просители. Ты не представляешь себе, сколько графоманов мечтает познакомиться со мной, и все они примутся действовать через тебя. А ты человек мягкий, сердобольный, начнешь входить в трудное положение... Нет, для твоего же спокойствия не нужно тебе это».

Маргарита соглашалась. От грязи она, наверное, не заболела бы, а вот просителям точно стала бы помогать, и в результате навредила бы мужу своей активностью.

Что ж, теперь его нет, вредить некому... Можно хоть десять профилей заводить, хоть даже в «Инстаграме» или в ЖЖ. И писать там всякое.

Маргарита в основном смотрела кулинарные сайты, но еще любила читать в блогах статьи, посвященные книгам и сериалам, и сама, прочитав очередной роман, выстраивала в голове целую рецензию на него. Или делала в уме анализ сериала, и самой нравилось, как получается: весело, четко, остроумно. Жаль только, никто не прочтет, потому что опуб-

ликовать негде.

Она подошла к столу и шевельнула мышкой компьютера. Экран включился и показал фотографию: они с мужем стоят на фоне Здания Двенадцати коллегий.

Маргарите захотелось поменять заставку, потому что тот день запомнился как один из счастливейших в жизни. Ничего не происходило, просто редкий для Питера погожий летний денек, и они отправились гулять, как в молодости. Константин купил ей эту дурацкую шляпку, сказал, ей очень идет... Маргарита взгляделась в фотографию. Нет, не идет, но какая разница, раз Косте нравилось, он так любил, чтобы она ее носила! А теперь его нет, и шляпку можно не надевать, а подарить кому-нибудь. Только кому?

Маргарита усмехнулась. Нет у нее таких подружек, с которыми приятно «махаться вещичками», да и старовата она уже для этого. И детей нет, которые могли бы играть с мамиными туалетами. Костя утешал ее, говорил, что дети – это не всегда радость, чаще наоборот, горе и страх. Маргарита соглашалась: ей и без Костиных слов прекрасно это известно. Действительно, зачем рисковать, если они с мужем любят друг друга и счастливы вдвоем?

И все было верно, только теперь она осталась совсем одна. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы сесть в рабочее кресло мужа. Там все было подогнано специально под него, Маргарита боялась, что «собьет настройки», и в те редкие моменты, когда ей нужен был компьютер, приносила из

кухни табурет.

Она поколебалась – не сделать ли так и сейчас, а кресло побережь, как память? Просто проводить иногда рукой по прохладной мягкой коже и думать, что владелец скоро вернется...

Только этого не будет, сколько ни притворяйся!

И Маргарита опустила в кресло, как в холодную воду нырнула.

Открыла страничку ЖЖ и навела курсор на кнопочку «создать блог», но не нажала. Нехорошо так поступать, сразу после смерти мужа делать то, что он просил не делать!

Да и кому будут интересны ее измышления? С чего это она вдруг возомнила себя умной и компетентной особой?

Маргарита закрыла браузер и перешла в «мои документы», зачем-то оглянувшись воровато, словно кто-то мог застать ее за этим неприглядным занятием.

Перед смертью Костя писал серию очерков о классической русской литературе, выход сборника был запланирован на август, и редактор пару дней назад, выражая по телефону соболезнования, тонко намекнул, что неплохо бы вдове посмотреть, как обстоит дело с текстами.

Маргарита не обиделась на него – скорбь скорбью, а жизнь продолжается.

Открыв папку, она вдруг почувствовала детское любопытство и что-то вроде жадности – наберется ли материала на книгу? Выругала себя за меркантильные мысли, но остано-

виться уже не могла.

Результат не то чтобы разочаровал, а скорее раздосадовал Маргариту. Текста довольно много, но на целую монографию никак не набирается, а тот, что есть, явно недоработан.

Редактор что-то с этим сделает, не даст пропасть, но гонорара, как за книгу, точно не будет. Не попросить ли Давида отшлифовать и дополнить текст?

Она стукнула себя по лбу за такие предательские мысли. Разве можно отдать талантливое произведение в руки посредственности?

Маргарита злилась на себя, что думает о деньгах и ради гонорара готова исковеркать творческое наследие мужа, но словно бес какой-то нашептывал ей на ухо: «Доведи до ума и продай!»

«Как тебе не стыдно! – сказала она громко, вставая из-за стола. – Голод тебе ни при каких обстоятельствах не грозит, а ты думаешь предать память мужа ради лишней копеечки! И не надо мне тут прикрываться, что хочешь на гонорар поставить ему хороший памятник. Когда открывала папку, ты про это не думала. Короче, жадная дрянь, передашь редактору все материалы безвозмездно, пусть делает что хочет!»

Она быстро вышла в прихожую, взять с тумбочки мобильный, чтобы скорее позвонить редактору, но не успела: телефон сам подал голос, как только она протянула к нему руку.

Человек разговаривал с ней вежливо, приятным голосом, но все равно дорогой Маргарита представляла себе толстого красномордого мента, с пузом, разрывающим форменную куртку, неопределенного цвета ежиком на голове и лежащими по погонам щеками.

Разве бывают другими полицейские начальники? Оказалось, что очень даже.

Хозяин кабинета оказался стройным, великолепно сложенным мужчиной, форма сидела на нем отлично. Он был похож на Джуда Лоу, и Маргарита, уважавшая этого актера, вдруг пожалела, что оделась очень просто и совсем не нарядилась.

Это было новое чувство – она с детства знала, что не слишком привлекательна как женщина и не тщила произвести впечатление на мужчин. А тут вдруг... Наверное, она просто сходит с ума после гибели мужа и надо срочно звонить психологу. Не просто же так ей дали карточку, когда выписывали из больницы!

– Благодарю вас, что согласились приехать, – полицейский помог ей сесть, и сам устроился не в своем кресле, а за приставным столом напротив нее, – чаю, кофе не хотите?

– Спасибо, не нужно, – улыбнулась Маргарита.

– Вы дали очень толковые показания, и я не стану застав-

лять вас вновь переживать тот кошмар и задавать вопросы об обстоятельствах взрыва, – полицейский на секунду замаялся, – только дело все в том, что мы пока в тупике и нам нужна любая информация, понимаете? Не знаешь, что именно станет ключом к расследованию, поэтому я прошу вас просто рассказать мне о вашей компании. Когда вы познакомились, крепко ли дружили, в общем, такое.

Маргарита снова улыбнулась:

– Мы с Давидом сначала родственники, ну а потом уж подружились.

Полицейский нахмурился:

– Правда? В деле этого нет.

– Не поверите, но я его родная тетка.

Маргарита Рогачева ушла, оставив Зиганшина в хорошем настроении. Он взглянул в свои заметки – сорок семь лет, надо же, а выглядит моложе, несмотря на излишнюю худобу. И лицо притягательное, вроде бы не идеальные черты, а хочется смотреть и смотреть. Редко встретишь такое обаяние, наверное, дама в молодости пользовалась бешеным успехом, и сейчас еще отбоя не знает от мужиков.

По долгу службы Зиганшину приходилось общаться с разными людьми, но только очень небольшая их часть вела себя доброжелательно и искренне хотела помочь. Преступники, понятно, запирались, ну на то они и преступники, но свидетели и потерпевшие тоже далеко не всегда бывали милы и

открыты с «ментами погаными».

Маргарита Павловна оказалась счастливым исключением и хоть, возможно, врала как сивый мерин, но разговор с ней пролился бальзамом на душу Зиганшину.

Он пребывал в таком благодущии, что не хотелось даже вызывать оперов и устраивать разнос, что проворонили родственные связи, важнейший момент в расследовании, потому что где родство, там и наследство.

Итак, Рогачева – родная тетка Дымшица, хоть и младше его на четыре года.

Маргарита появилась на свет в интеллигентной семье, когда обоим родителям уже подходило к пятидесяти. Отец – известнейший лингвист, профессор, заведующий кафедрой в университете, мать – не менее крупный искусствовед, один из заместителей директора в Эрмитаже. У супругов был сын Илья, который, на памяти Маргариты, уже не жил дома, потому что сломал традиции и порвал шаблоны, предпочтя рафинированной академической тиши грубую военную карьеру, а девочке из хорошей семьи – простую медсестру.

Впрочем, родители к выбору строптивого отпрыска отнеслись терпимо. Таня, жена Ильи, все лето проводила на родительской даче вместе с маленькими Давидом и Маргаритой, а иногда и зимой приезжала с сыном погостить, отдохнуть от снегов и морозов, которыми место службы Ильи Дымшица было богато через край.

Маргарите нравилась веселая Таня, которая вела себя

больше как девчонка, чем как настоящая мама, и она мечтала, как брат вернется из своего Заполярья и они заживут все вместе, большой дружной семьей.

Мечты девочки не сбылись: Илья продолжал служить на своем любимом Севере, пока в восемьдесят третьем году не попал в Афганистан. Через месяц он погиб.

«Это было мое первое знакомство со смертью. – Маргарита покачала головой. – Помню, я не любила гулять одна, а тут ходила целый день по улице и пыталась понять, как это Илья больше не вернется, и ругала себя страшно, какая я эгоистка, грущу не о его судьбе, а что не увижу больше, не посмеюсь с ним... Он такой остроумный был, если бы вы знали... И сейчас ничего не изменилось: я должна скорбеть о судьбе мужа, горевать, что он рано ушел, не успел сделать многое из того, что собирался, а я как дура переживаю, что мне плохо без него!»

Зиганшин не нашелся что сказать, поэтому молча налил в стакан воды и подал Маргарите. Она выпила, благодарно улыбнувшись, и попросила не обращать внимания на ее состояние, а спрашивать дальше, чем окончательно покорила его сердце.

После смерти Ильи вдова с сыном вернулись в Ленинград, но жить стали отдельно, на Васильевском острове, где у Тани имелась комната в коммуналке. Старшие Дымшицы огорчились – Давид хоть отчасти мог бы заменить им погибшего сына, и Маргарита недоумевала так, что даже немного обиде-

лась на Таню – зачем жить врозь, когда можно вместе, дружной семьей?

И все же отношения оставались теплыми. Таня забежала и просто так, и помочь по хозяйству, а Давид очень сблизился с дедом и, хоть не проявлял сверхъестественной тяги к литературе, все же собирался пойти на филфак.

Сразу ему не удалось этого сделать, потому что бедняга загремел в армию, но после демобилизации юный Дымшиц все же поступил в университет.

Тем временем Таня вышла замуж за старого товарища мужа и снова отправилась служить к черту на рога. Видно, на роду было ей написано жить в глухомани.

Вернувшись из армии, Давид поселился в своей коммуналке, а не у деда, но теперь этот выбор никого не удивил – молодой мужчина, студент, понятно, что свобода ему дороже комфорта.

Костя Рогачев был школьным другом Давида. Ему без всякого блата удалось поступить на филфак с первого раза, и теперь товарищи воссоединились, только с разницей в два курса.

Костя подолгу жил у Давида, а тот с удовольствием пользовался старыми конспектами друга – идеальный союз.

Маргарита познакомилась с Рогачевым, когда была еще школьницей, и долго судьба продержала их рядом, прежде чем молодые люди поняли, что любят друг друга. Строго говоря, не такими уж они были молодыми к этому сакральному

моменту: Маргарите двадцать девять, Константину – тридцать три. Возраст Христа – время переоценки ценностей и чудесных озарений.

До определенного момента у Кости и Давида была совершенно одинаковая, как под копирку, биография. Студент – аспирант – ассистент кафедры – доцент. Потом Давид стал заведующим кафедрой, а Костя так и остался доцентом. Он увлекся сочинительством научно-популярных книг и подзатянул с докторской, иначе должность непременно досталась бы ему, со вздохом отметила Маргарита Павловна.

Она тоже после окончания университета трудилась на этой кафедре старшим лаборантом, оформила соискательство, но диссертацию так и не написала, потому что вышла замуж, а мама совсем состарилась, вот и пришлось посвятить себя семье.

Несмотря на то, что филфак является признанной кузницей невест, Давид долго оставался холостым, а на первом году аспирантуры женился на однокласснице Оксане, ставшей учительницей физики.

«Видно, это у них семейная традиция – вступать в брак после многих лет знакомства», – предположил Зиганшин, не понимавший подобного подхода. Или сразу влюбляешься в женщину, или никогда. А так, чтобы знать человека десять лет, а потом вдруг понять, что свет без него не мил – нет, глупость какая-то.

И все же обе пары не расстались, несмотря на отсутствие

детей, значит, не такая уж и глупость.

Дымшиц с Рогачевым остались верны не только женам, но и старой дружбе. Не помешало даже то, что Давид Ильич стал непосредственным начальником Константина Ивановича. И наследственные вопросы тоже, по словам Маргариты Павловны, эту идиллию не омрачили.

Какими бы хорошими людьми ни были Давид Ильич с Оксаной Максимовной, наверняка бесились, что все достанется Маргарите, а он пролетает, потому что внук. Хоть раз, а помянули недобрым словом военного человека Илью Павловича, который в свое время не прописал сына к своим родителям. Только Римма Семеновна Дымшиц оказалась мудрой женщиной и завещала Давиду несколько принадлежащих ей картин, продажа которых позволила внуку купить отличное жилье.

Достойная жизнь достойных граждан: Давид Ильич преуспел в карьере, Константин Иванович стал известным автором научно-популярных книг, а женщины реализовали себя как жены успешных мужей. Не за что зацепиться в гладком повествовании Маргариты Павловны.

Разве что все слишком уж безоблачно, но хорошие люди так и живут.

И все же кто-то влез в эту благодать с самодельным взрывным устройством!

В начале разговора Зиганшин обещал, что не станет заставлять Рогачеву вспоминать день трагедии, и слово свое

сдержал. Опросит ее повторно позже, когда боль немного утихнет, успокоится. Вдруг женщина на холодную голову вспомнит что-нибудь важное? Да и просто будет повод пообщаться с приятным человеком.

Он прошелся по кабинету, пытаясь найти какие-нибудь несообразности в полученной информации, чтобы сразу уточнить у Маргариты, но увы...

Римма Семеновна родила дочь в пятьдесят лет? Ну да, необычно, а полвека назад выглядело даже эксклюзивно, но бывает. На всякий случай нужно проверить, вдруг Маргарита – приемная.

Таня после смерти мужа не захотела жить с его родителями в шикарной квартире? Вполне логично. Она была молодой еще женщиной, хотела устроить личную жизнь, что под надзором свекра и свекрови оказалось бы не так просто. Не прописала Давида к бабушке и дедушке? Тоже разумно. В те годы кто мог предвидеть приватизацию? Наоборот, все старались прописаться где потеснее и похуже, чтобы встать в очередь на жилье. Таня одна так бы и куковала в коммуналке, а с разнополым ребенком в теории имела право на отдельную квартиру.

Римма Семеновна не поленилась составить завешание? Что ж, ответственная старушка. Разве хорошо будет, если дочка получит шикарную пятикомнатную квартиру в центре города, дачу на Карельском перешейке и еще всякие ништячки, заработанные усердным трудом нескольких поко-

лений, а родной внук – фигу без масла?

Бабушка наверняка любила Давида Ильича, а кроме того, понимала, что, оставшись без наследства, он может обидеться и навсегда разругаться с теткой, а хотелось, чтобы семья держалась вместе.

Почему просто не отдала полотна? Да потому что это с гарантией принесло бы раздор в семейство. Как говорится, то ли он украл, то ли у него украли, и мало ли что бабушка имела в виду, старая маразматичка. А так чин по чину: нотариус, гербовая бумага, последняя воля. Если на кого бочку и катить, то только на старушку, которая уже мертва и в скандале участвовать не может.

И в распределении имущества очень разумно поступила бабка: Маргарита получила почти все, что должна была по закону, а внук – приятный бонус.

Оставались только две шероховатости, к которым можно было придраться, и то скорее от безысходности, чем из здравого смысла.

Первая – это очень долгий промежуток между знакомством и вступлением в брак у обеих пар. Ладно, Дымшиц с Оксаной еще куда ни шло. Не виделись с выпускного в школе, потом случайно встретились, и вспыхнуло чувство. Но Маргарита с Константином как познакомились, так и общались одиннадцать лет подряд. Сначала учились вместе, хоть и на разных курсах, потом работали на одной кафедре. Допустим, пока Маргарита была студенткой, виделись от слу-

чая к случаю, но потом-то? Пять лет ежедневно бок о бок, и ничего, а потом вдруг прилетает запоздалый купидон.

Что произошло? Неужели Рогачев был так влюблен, что ждал столько лет, пока Маргарита снизойдет до него?

А она рассчитывала на лучшую партию и, только когда все сорвалось, осчастливила старого обожателя.

Зиганшин вздохнул. Да, наверное, так. Если уж понял прелесть такой женщины, как Маргарита, то нескоро ее забудешь.

Но уточнять он не стал. Чувствовалось, что последние силы его собеседницы уходят на то, чтобы держать себя в руках, быть вежливой и улыбаться. Не нужно выбивать у нее почву из-под ног слишком личными вопросами.

Вместо этого Зиганшин включил кофемашину, напугавшую Маргариту своим утробным воем, и поинтересовался совсем другим:

– А как так получилось, что ваш племянник загремел служить? Все же бабушка с дедушкой у него были людьми, мягко говоря, со связями, а в те годы предки костями ложились, чтобы сыновьям откосить от армии. В деревнях еще оставалась парадигма «не служил – не мужик», а в крупных городах, да еще в интеллигентной среде...

Он развел руками.

Маргарита вдруг лукаво улыбнулась:

– Понимаю, о чем вы. Думаете, у нас в семье были вовсе не такие хорошие отношения, как я вам описала, раз папа

не устроил Даву в университет, и я тут рисую вам идиллическую картину жизни любящего семейства, а в реальности мы все друг друга ненавидели. Нет, все объясняется гораздо проще. На нас с Давидом природа хорошенько отдохнула. Мы не очень умные...

– Да ладно, – отмахнулся Зиганшин.

– Это так, к большому моему сожалению. Меня не посвящали в детали, но, думаю, Дава настолько плохо подготовился к экзаменам, что даже авторитет моего отца оказался бессилен. В те времена коррупция, конечно, процветала, но какой-то контроль все-таки существовал. Если человек сделал двадцать ошибок в сочинении, то ставить ему пятерку было крайне опасно.

– Ну как же он не умный, если стал профессором и заведующим кафедрой?

– Мстислав Юрьевич, вы уж простите мой снобизм, но на фоне нынешнего интеллектуального оскудения мой племянник действительно звезда. А в те годы были совсем другие требования... Честно скажу, без отцовской поддержки я никогда не поступила бы в вуз. Ни при каких обстоятельствах. И Давид тоже без протекции дальше учителя средней школы не продвинулся бы. Нет, мы, разумеется, не серая серость, не совсем дно. У нас обоих автоматическая грамотность, а Дава еще обладает хорошей памятью и завидным трудолюбием. Он въедливый исследователь, немножко буквоед... Знаете, я когда-то читала «Открытую книгу» Каверина, и там про

одного героя было сказано, что он всегда ставит на один эксперимент больше, чем нужно. Вот Дава как раз из таких.

– Но для поступления в институт не надо ставить эксперименты, – фыркнул Зиганшин, – наоборот, как раз требуются хорошая память и усидчивость.

Маргарита засмеялась:

– Ох, откуда ей взяться в семнадцать лет! Вы себя-то помните в этом возрасте?

Зиганшин тоже засмеялся. Святая правда, об учебе он тогда думал меньше всего.

– Трудолюбие и скрупулезность развились у Давида с годами, а в десятом классе это был обычный нашпигованный гормонами подросток. Кроме того, он после гибели отца считал себя главой семьи и все время где-то подрабатывал, помогал матери.

Маргарита замолчала и нахмурилась, видно, что-то вспоминала.

– Да, сейчас всплывает, – сказала она после долгой паузы, – кажется, он прошел все-таки на вечерний и устроился работать слесарем...

– Где?

– Боюсь соврать, но, кажется, на Кировском заводе. Еще радовался, что будет зарабатывать больше матери, только счастье оказалось недолгим. Суровая рука военкома выдернула его прямо от станка.

Зиганшин снова зарядил кофемашину, чтобы под ее вой

кое-что обдумать. Получается, руки профессора знакомы не только с пером и словарем. Интересно, какую военно-учетную специальность уважаемый Давид Ильич получил в армии? Уж не сапер ли? И на заводе чем он занимался, тоже любопытно...

Вот знания игодились. Собрал себе спокойненько взрывное устройство и стал ждать, ничем особо не рискуя. Жена при нем в кабинет не заглядывает, а если вдруг сунет свой нос куда не надо в его отсутствие, то это даже и неплохо. У безутешного мужа твердое алиби, и он представления не имеет, откуда в доме бомба. «Вы менты, вот вы мне и скажите откуда!»

Но тут вдруг у соседа случается инфаркт – такая прекрасная оказия, что нельзя пожелать лучше. Ради нее Дымшиц готов даже пожертвовать гостями. Может, они ему никогда не нравились, или он внезапно сообразил, что после смерти Маргариты получит солидное наследство...

Прекрасная версия, только куда девать показания Рогачевой о том, что пакет принес какой-то неизвестный? Она – сообщница Дымшица и врет? Тогда зачем вылезла в прихожую в самый неподходящий момент? Минуточку, а кто сказал, что она была в кухне?

Эксперты считают, что взрывное устройство сработало при открывании, так что все сходится. Дымшиц свалил в безопасное место, Маргарита достала взрывчатку, замаскированную под подарок в сложной обертке. «Вы открывайте

пока, а я принесу...» Что? Ну зеркало, допустим, принесу. Или вазу. Или телефон – ваши счастливые лица сфоткать.

Думала, Оксана будет долго развязывать ленточки, а у той ножницы оказались под рукой, вот Маргарита дальше прихожей и не успела отойти, а удачно подвернувшийся звонок использовала, чтобы отвести от себя подозрения.

Что ж, довольно стройная гипотеза. Жаль будет, если подтвердится, больно уж Маргарита дама симпатичная.

К сожалению, Оксана Максимовна пока в тяжелом состоянии, и надежда на то, что она придет в себя, очень мала, а что вспомнит события того вечера – еще меньше.

Пока некому опровергнуть показания Рогачевой, не стоит на нее давить, поэтому Зиганшин перевел разговор на служебные дела Константина Ивановича и Давида Ильича, о которых Маргарита почти ничего не знала.

* * *

Маргарита открыла маленький сейф и достала шкатулку с драгоценностями. Давно она не разглядывала эти памятные с детства вещицы... Вот камеш, которая так восхитительно смотрелась под воротничком маминой кружевной блузки, вот девичье колечко с камнем, названия которого она не помнит, вот кулон, невзрачный, но изготовленный, по словам мамы, аж в восемнадцатом веке, а вот еще и еще... Что же продать первым из этой алмазной россыпи?

Маргарита вздохнула, вытянув из сверкающей кучки изумрудный браслет. Господи, прошло почти двадцать лет, а кажется, только вчера она со слезами упрашивала маму его продать. Рыдала так, что два дня пришлось ходить в солнечных очках, но все драгоценности остались на месте.

Она словно наяву услышала мамин голос: «Уверю тебя, Маргарита, если что-то из шкатулки вдруг пропадет, я обращусь в милицию и укажу на тебя, как на вора. Можешь не сомневаться, я это сделаю».

Она и не сомневалась. Мама была... Нет, не строгая. Неумолимая, вот, пожалуй, самое точное слово. Но у Маргариты не было тогда ничего, кроме мольбы и слез.

Она взяла драгоценности в ладони – получилась полная пригоршня. Как поступить? Сбыть все сразу и вложить вырученные деньги в бизнес? Со своими деловыми способностями она прогорит через месяц. Или продавать потихоньку, лет на десять скромной жизни тут точно хватит.

Она снова услышала маму: «Придет время, и ты мне спасибо скажешь за то, что я не пошла на поводу у твоей безобразной истерики!»

Как тогда Маргарита ни упрашивала, Петенька ничего не получил. Ради чего теперь говорить спасибо? Что теперь трудоспособная, но ленивая недотепа может как-то прокормиться без работы? Стоит ли за это говорить спасибо покойной маме?

Кажется, следовало рассказать про Петеньку тому краси-

вому полицейскому. Но зачем? Никакого отношения к взрыву бедный малыш иметь не может, следователи только Давида измучают бестактными вопросами, а он и так еле держится.

Этот Зиганшин производит впечатление умного человека, он быстро найдет убийц мужа, и не нужно заново открывать грустную страницу в истории семьи.

Маргарита вдруг поймала себя на том, что совершенно не думает о возмездии. Неужели она настолько мягкотелая, что не хочет наказать негодяев, лишивших ее любимого мужа? Это ненормально, она должна чувствовать ненависть, а не только скорбь.

Давид с Оксаной возненавидели же маму после смерти Петеньки. Давид только в самые последние годы маминой жизни стал с ней видаться, а Оксана до сих пор не приходит в эту квартиру, потому что она была маминым домом.

Мама тогда была неправа, хоть и «в своем праве». Маргарита тоже хотела объявить ей бойкот, но струсила. Мама была уже старенькая...

Нет, никогда у нее не хватало силы воли для ненависти и жажды мести!

Маргарита усмехнулась. Прощаясь, полицейский сказал: «Благодарю вас, что нашли в себе силы для этого разговора. Вы очень мужественная женщина!»

Знал бы он, что душевных ресурсов Маргариты Рогачевой хватает только на то, чтобы плакать, хныкать и грустить...

Даже заработать себе на кусок хлеба она не в состоянии. То при маме, то при муже, а оставшись одна, начнет проедать семейные реликвии.

Итак, с чего начать?

После того как думала о Петеньке, прикасаться ко всем драгоценностям стало одинаково противно. Маргарита убрала все в сейф и зачем-то вымыла руки.

Тщательно намыливая каждый палец, она вдруг вспомнила, что на полке шкафа, укрывающего сейф от посторонних глаз, давным-давно лежит компакт-диск с материалами для ее диссертации. Так давно, что, наверное, уже и не прочтется современным компьютером мужа.

С некоторым душевным трепетом Маргарита извлекла диск из конверта и вставила в компьютер. Тот загудел, и все прекрасно открылось.

– Ого! – воскликнула Маргарита и поскорее сохранила файлы на рабочем столе. В носу предательски защипало: она словно провалилась на без малого двадцать лет назад, когда была молодой и думала, что из нее еще может что-то получиться, а из многолетней дружбы с Константином робко начала проклевываться любовь...

Кажется, она ради этого только воспоминания и скопировала себе текст диссертации, когда уходила с работы. Научной ценности текст не имел, но хотелось как-то сохранить то трепетное состояние души, поэтому она записала свои наброски на дискеты, а потом, когда появились лазерные дис-

ки, перекинула на CD.

Хватит ли у нее сил прочесть эти тексты, над которыми они столько работали вместе? Вспомнится ли, за обсуждением какого из них Костя впервые ее поцеловал?

Что принесет погружение в прошлое – утешение или тоску?

Только ей сейчас не требуется ни то, ни другое, а нужно выжать из этих файлов страниц тридцать удобоваримого текста, чтобы дополнить материалы мужа и отдать редактору в качестве полноценной рукописи.

Это даже не будет обманом. Ну, почти не будет. Костя приложил колоссальные усилия, чтобы довести до ума ее беспомощную работу, и не его вина, что не получилось.

В сущности, многие фрагменты она записывала под его диктовку, и если они сейчас увидят свет, будет только справедливо.

Она получит гонорар, как вдова, и сможет придержать драгоценности, а если Оксане потребуется дорогостоящее лечение или реабилитация, тогда и продаст все разом. Это будет правильно.

Зиганшин проснулся от плача близнецов. Приподнялся на локте, посмотрел на Фриду – жена не шелохнулась. Что ж, любым силам наступает предел.

Он тихонько поднялся с кровати и подошел к младенцам. Памперсы вроде сухие. Сунул рожок с водой сначала Вове,

потом Валере. Дети выплюнули соску и заорали еще сильнее, видно, не хотели пить.

— Что ж из вас вырастет, если вы уже сейчас такие, — вздохнул Зиганшин, взял детей на руки, покачал, пошикал, но все без толку.

Фрида приподнялась в постели, Зиганшин сказал «спи, спи» и вышел из комнаты с близнецами на руках, пока жена окончательно не проснулась.

Мама советовала набраться духу и перетерпеть одну ночь. Дети быстро сообразят, что орать бесполезно, и станут спать как миленькие. Зиганшину такой подход казался вполне разумным, но Фрида сказала, что он дурак, если думает, будто новорожденные младенцы в состоянии построить в голове такую сложнейшую логическую цепочку.

Зиганшин согласился, что это не под силу и некоторым взрослым людям, и не мешал жене подрываться к близнецам, а теперь она истощилась так, что мозг блокирует детский плач.

Он уложил Вову с Валерой в коляску и стал катать по кухне. Близнецы немного повозились и уснули, но Зиганшин знал, что расслабляться рано, и решил позавтракать, раз все равно не спит.

Не прекращая катать коляску, заварил себе чайку, сделал бутерброд с вареньем и залил молоком немного хлопьев, которые терпеть не мог, но варить кашу побоялся, вдруг возней у плиты перебудит домочадцев. Господи, какая ирония...

Зиганшин отпустил коляску и замер. Дети молчали. Он выдохнул и принялся есть, заставляя себя думать о деле. Это было лучше, чем без конца прокручивать в голове вопрос: «Зачем мы усыновили этих несносных детей?» – потому что дальше открывалась правда, что он не любит ни близнецов, ни тихую девочку, которая его боится, а знать про себя эту правду хотелось меньше всего.

Зиганшин заглянул в коляску. Даже спящие, малыши не вызывали в нем нежности и умиления.

«Такой уж я человек, – вздохнул он, – эгоист и свинья. Перед женой только добрым прикидываюсь, и, похоже, до конца теперь придется... нет, лучше уж о работе думать!»

Итак, наиболее вероятный мотив – это наследство. Но при таком основательном поводе для преступления его исполнение выглядит на редкость идиотским.

Некто решил заграбастать куш, разом убрав всех претендентов. Действительно, две квартиры, дача, предметы искусства – есть ради чего стараться.

Зиганшин отодвинул тарелку с хлопьями и нахмурился, вспоминая, чему его учили на гражданском праве. Кажется, ты не можешь наследовать, если умер раньше своего наследодателя. А если одновременно с ним?

Тут начинается праздник адвокатов и нотариусов.

Кроме того, не нужно забывать о мощности взрывного устройства. Преступник использовал такое, при котором моментальная смерть вовсе не гарантирована, и очень сильно

рисковал, потому что даже несколько минут разницы во времени могут сыграть роковую роль.

Допустим, Дымшиц умирает на месте, Маргарита Павловна – в карете «скорой помощи», ее муж и Оксана Максимовна – в больнице. Тогда имущество Дымшица наследует родня его жены, а имущество Маргариты – родня мужа.

Ну а если очередность смертей другая, то и порядок наследования меняется, и может так получиться, что ты окажешь огромную любезность посторонним людям, а сам останешься ни с чем. Если ты родственник, например, Давида Ильича и случайно убил его позже Маргариты, но раньше Оксаны Максимовны. Тогда приз уходит родне супруги Дымшица, потому что она успела наследовать за мужем.

Зиганшин почувствовал, что начинает путаться, хотел нарисовать схему со стрелочками, только не нашел ручку. Ладно, сейчас не до юридических задачек, суть в том, что в делах о наследстве очередность смертей крайне важна.

Тут ключом к успеху злодейства является методичность, а не кавалерийский наскок!

С другой стороны, опыт говорит, что преступления совершаются не только умными людьми, но и дураками, причем последними даже чаще.

И все же... Собрать взрывное устройство у человека мозгов хватило, а посмотреть азы наследственного права – нет.

Маргарита сказала, что родни у них с Давидом не осталось совсем. У Константина Ивановича только троюродный брат

в Омске, а у Оксаны вроде бы жив еще отец, но он давно развелся с матерью и давал о себе знать настолько редко, что сейчас неизвестно, куда ему сообщить о несчастье с дочерью.

Зиганшин усмехнулся. Надо проверить этого папашу – вдруг настрогал дочери единокровных братьев и сестер, то есть наследников.

И не будем забывать про маму Давида Ильича. Она никого не родила во втором браке, но усыновить детей мужа вполне могла. Вот тебе и претенденты!

Зиганшин взглянул на часы – пять утра. Господи, о чем он только думает!

Таинственный наследник, как в собаке Баскервилей, бред какой-то...

«А с другой стороны, – протяжно зевнул Зиганшин, – я отлично потрудился, генерировал новое направление расследования, так что сейчас приеду на службу и с чистой совестью завалюсь спать!»

Он тихонько сполоснул тарелку и задумался – нести детей обратно в спальню или так и оставить в коляске? Так надежнее, что не проснутся и не заорут, но Фрида устроит ему жуткий разнос, как это он бросил близнецов одних, и бесполезно будет оправдываться, что он их не в сугроб выкинул, а оставил в тепле, комфорте и уюте.

На службе он первым делом вызвал оперативников, работающих по взрыву, и поставил задачу найти всех возможных

претендентов на наследство.

Оставшись один, сел так, чтобы с порога лицо его было не сразу видно, и приготовился подремать, но был грубо вырван в реальность телефонным звонком. Экран засветился незнакомыми цифрами.

– Ах ты ж! – выругался Зиганшин, но все-таки ответил. Это оказалась Маргарита.

– Здравствуйте, – сказала она, – вы меня простите за беспокойство, но вы просили сразу звонить, если я что-то вспомню важное.

– Ах да. – Зиганшин свободной рукой ущипнул себя за ухо, чтобы взбодриться. – Да, да, слушаю.

– Не знаю, насколько это важно, но сейчас всплыло в голове, что Оксана всегда боялась погибнуть от взрыва.

Зиганшин молчал.

– Когда мы смотрели вместе фильмы, – продолжала Маргарита, – и там кто-нибудь взрывался, Оксана часто говорила, что это самая страшная смерть. И потом еще... Знаете, с возрастом начинаешь задумываться об этом. Помните стихотворение Ивана Тхоржевского?

– Нет, не помню, – буркнул Зиганшин, – и вообще не знаю, кто это такой.

– Вот уже кончается дорога, с каждым годом тоньше жизни нить, легкой жизни я просил у Бога, легкой смерти надо бы просить, – продекламировала Маргарита. – Ничего удивительного, что люди средних лет порой ведут такие разго-

воры, так вот Оксана всегда говорила, что больше всего боится взорваться.

– Да? А мне кажется, от рака страшнее, – вдруг вырвалось у Мстислава, – взрыв – раз, и всё, а тут неизвестно сколько мучиться.

– Я бы не хотела продолжать дискуссию на эту тему.

Зиганшин спохватился:

– Я вас понял, Маргарита Павловна. Простите за бестактность.

Разъединившись, Зиганшин сразу заварил себе крепчайший кофе. Что дает звонок Рогачевой? Просто лишнее доказательство поверья, что чего боишься, то с тобой и случается? Или кто-то так ненавидел Оксану Максимовну, что нарочно выбрал способ убийства, ужасавший ее больше всего?

* * *

За почти два десятилетия, прошедших с тех пор, как она пыталась написать кандидатскую, Маргарита напрочь забыла суть своих трудов и теперь читала текст так, будто его создал кто-то посторонний, и самое странное, что ей все нравилось!

Да нет, не могла она писать так логично и легко! Просто Костя вложил в ее работу больше, чем ей сейчас помнится.

Она хмурилась, пытаясь вызвать в памяти процесс создания диссертации, но безуспешно. Единственное, что Маргарита знала точно, – набирала текст она сама. Вспоминался

старенький компьютер с выпуклым подмигивающим монитором и жутко завывающим процессором, разболтанная клавиатура, вечно грязная, в крошках и пятнах кофе – другие аспиранты ели без отрыва от производства.

Домашние компьютеры в те годы были роскошью, а ноутбуков, кажется, еще в нашу страну не завезли.

Все-таки странно, что текст сохранился. Тот комп, кажется, он гордо назывался триста восемьдесят шестой, создавался еще до эры компакт-дисков, интернет тоже был экзотикой, и всю информацию приходилось копировать на большие дискеты. Как хорошо, что в ее далекую от техники голову пришла светлая мысль продублировать на диске! Кто-то недоумил же ее, но кто? Как ни старалась, Маргарита не могла этого вспомнить.

Это же надо было купить диск, потом искать компьютер с «пишущим сидюком», кажется, так это тогда называлось... Гигантские усилия ради беспомощной работы, годной только как сентиментальное воспоминание.

Сейчас, правда, работа не кажется такой уж беспомощной, но это потому, что Маргарита с годами поглупела. Превратившись в домохозяйку, она и досуг проводила соответственно, за любовными романами и сериалами, так ничего удивительного, что теперь даже жалкие потуги бездарной соискательницы кажутся ей прорывом в науке. Говорят, что мозги не накачаешь, но от безделья они, увы, атрофируются не хуже мышц.

И все же текст ей нравился. Приятно было читать и понимать, что она нашла частичку Костиного наследия, замаскированную под несостоявшийся диссер. Так жаль, и так обидно, что в памяти ничего не осталось, но зато можно думать, что именно она вдохновляла его на все эти мысли.

Наверное, он диктовал, а она стучала по клавиатуре, немного козыряя своими навыками быстрого набора текста. В аудиториях шли лекции вечерников, но жизнь на кафедре затихала, в окна заглядывал темный осенний вечер, и Маргарите представлялось, что все вокруг призрачно, лишь они вдвоем с Костей реальны. Он ходил по тесной комнатке, заставленной стеллажами со старинными книгами, рядом с которыми серый пластик компьютера казался неуместным, диктовал фразу, а потом склонялся к Маргарите, иногда клал руку ей на плечо, она чувствовала щекой тепло его дыхания, и так хотелось, чтобы это навсегда сохранилось в памяти...

А осталось только сладкое замирание сердца, когда Костя наклонялся к ней слишком близко.

Проснувшись утром, Маргарита вдруг поймала себя на том, что хочет поскорее взяться за текст, и не только потому, что работа отвлекала ее от горя.

Диссертация была посвящена творчеству Юрия Домбровского, а Маргарита очень любила этого писателя, и приятно было думать, что вдруг очерк в посмертной книге Кости снова привлечет к нему внимание читателей.

Только как ни хотелось сесть скорее за компьютер, прежде следовало навести уют в квартире. Это было непреложное правило, еще с детства, когда она была «маминой помощницей». В беспорядке порядочные идеи не рождаются, это всем известно, и Маргарита никогда не садилась за уроки, пока не подметет.

Теперь она одна, некому стало контролировать, так тем больше оснований не отходить от привычного распорядка! Распуститься легко, стоит дать себе малюсенькую поблажку, и дальше покатится...

Руки делали привычную работу, а мысли крутились вокруг текста – что поправить, где пошлифовать. Все-таки не совсем напрасно Костя тогда возился с ее работой. На защиту не вышла, а сейчас пригодилось. А что ей, кстати, помешало?

Маргарита замерла с тряпкой в руке.

Черт, и этого она не помнит! Сейчас, читая текст, она даже сквозь призму самоуничтожения видит, что это готовая диссертация, и не самая убогая. Оставалась в основном техническая работа: разбить по главам, четко сформулировать выводы и практические рекомендации, и можно представлять к защите. Не хватает только обзора литературы, но это потому, что научный руководитель требовал, чтобы его аспиранты писали эту главу в последнюю очередь. И это логично – так обзор будет содержать самую свежую информацию, и гораздо легче сделать его структурным и убедительным, когда

ты досконально знаком с предметом, а не только приступаешь к его изучению.

Она бы сделала обзор за неделю или даже быстрее.

Что же помешало? Что она не поняла тогда и упускает сейчас?

Господи, вот память-то дырявая!

С тех времен отчетливо вспоминаются только вечера, проведенные вместе с Костей за компьютером, и еще чувство собственной какой-то несолидности, незначимости. Будто все вокруг настоящие филологи, а она – ненастоящая, просто девочка, пришедшая к папе на работу.

Официально ее научным руководителем числился тогдашний заведующий кафедрой, не академик, но тоже корифей, старый друг отца. Умнейший человек, и к ней прекрасно относился, только некогда ему было возиться с аспирантами и соискателями.

«Кандидатская всегда лучше докторской, потому что первая написана доктором наук, а вторая – кандидатом!» – со смехом повторял он, призывая учеников мыслить самостоятельно. В самом начале работы, перед утверждением темы, он вызывал аспиранта к себе и задавал единственный вопрос: «Изюм-то где?» Если в ходе разговора этого так и не удавалось выяснить, незадачливый аспирант с позором отправлялся к другому научному руководителю. А если профессора удавалось заинтересовать, то он давал стратегические указания и в следующий раз смотрел уже готовую рабо-

ту, и выносил вердикт: «Не стыдно подписывать!» Или молча возвращал текст.

Маргарита вспомнила собственную аудиенцию. Главным было удивление – как быстро и легко ей удалось объяснить страшному профессору, где изюм, другими словами – основную идею и необходимость предстоящего исследования. Наверное, он просто пожалел дочку старого товарища, вот и не стал придираться, а когда Маргарита проямлила, что боится не справиться самостоятельно, привлек к делу Костю Рогачева. Пусть тренируется в научном руководстве.

Даже ради дочери друга профессор не собирался изменять своим принципам и помогать. Да и время тогда было трудное, чтобы как-то жить, приходилось крутиться. До аспирантов ли тут?

Наверное, Костя просто испугался... Нет, не так! Он никогда никого не боялся, а вот чувство собственного достоинства всегда было у него на высоте. Раз уж профессор назначил его помогать недотепе, то он хотел представить работу, за которую действительно не стыдно.

«Надо будет вечером спросить у Кости, что не так с моей диссертацией». Поймав себя на этой мысли, Маргарита вздрогнула и зябко передернула плечами.

Когда она поймет, что Кости нет и больше никогда не будет? Заставляет себя думать: «Он умер, умер», а сама вчера приготовила новую порцию теста для круассанов. Возвращаясь со встречи с полицейским, она спешила, чтобы ока-

заться дома раньше, чем Костя придет с работы. Костюмы, сорочки, галстуки, куртка на гусином пуху, ботинки... Все это вычищено, выглажено и в полной готовности ждет своего хозяина, который никогда не вернется.

«Моя трусливая детская душа просто отказывается признавать, что случилось горе, – усмехнулась Маргарита. – Когда не стало родителей, я тоже очень долго к этому привыкала и, кажется, так до конца и не поняла, что их больше нет».

То ли от горьких мыслей, то ли от того, что выдался холодный день и тепла не хватало на огромную опустевшую квартиру, Маргарите стало зябко. Закутавшись в пуховый платок, еще хранящий легкий след маминых духов, она пошла на кухню выпить чаю.

Костя не вернется. Все. Конец. Ей было отпущено восемнадцать лет счастья, и теперь оно закончилось. Много это или мало?

Кажется, что это куча времени – целая жизнь человека от рождения до совершеннолетия, но промелькнуло оно, как один день. Только стала невестой и вот уже вдова.

Кажется, она и к счастью тоже долго привыкала, все никак не верилось, что Костя теперь ее законный муж.

Вода закипела, и Маргарита достала заварку. Обдала фарфоровый чайничек кипятком, насыпала чаю и на две трети налила воды. Господи, теперь можно оставить эти ритуалы и купить пакетики, никто больше не упрекнет ее в плебейских вкусах, ни муж, ни мама. Наверное, элитный чай из пачки

действительно вкуснее, но, ей-богу, не стоит он той возни!

— А можно спросить тебя, Маргарита, чем ты так занята, что не в состоянии выкроить три минуты, чтобы заварить нормальный чай? — произнесла она вслух.

Ничем она не занята. Восемнадцать лет счастья закончились, начинается пустое бессмысленное существование. Придется заполнять его пустой бессмысленной возней.

Маргарита вздохнула. Горько думать о будущем, но ничуть не веселее мысль, что счастья могло быть на десять лет больше...

Маргарита влюбилась в Костю так давно, что казалось — это чувство было с ней всегда. В тринадцать лет она впервые увидела его, десятиклассника, и в ту же секунду поняла, о ком тосковала душа, кто виделся в мечтах, пока она грезилась наяву, читая великие романы о любви.

Но ей было тогда всего тринадцать, и она ничем не могла его привлечь — скромная некрасивая девочка. Страшная даже, с большими ногами и широким тазом.

Она и не надеялась на взаимность, просто жила редкими встречами, когда Давид, навещая бабушку с дедушкой, приводил с собой лучшего друга.

Главное было — запомнить лицо, потому что, когда Костя уходил, Маргарите вспоминалось просто что-то прекрасное в сиянии, и очень может быть, она не узнала бы его в толпе.

Но это было не важно. Все было не важно, даже то, что она

глупая серая мышка и в нее нельзя влюбиться. Она «несовременная» и никогда не привлечет к себе внимание такого прекрасного юноши, но есть еще мечты, в которых все иначе...

Мама говорила, что «мальчик из очень простой семьи, но тянется», и радушно принимала Костю.

Маргарита обожала, когда они приходили, шумные, веселые, бегали в магазин за картошкой, или передвигали шкаф, или вешали карнизы во время генеральных уборок. И Маргарита хлопотала: ей так хотелось, чтобы Костя заметил, какая она ловкая и умелая, пусть и не королева красоты.

И он улыбался ей и подмигивал, а один раз они даже вместе протирали люстру в гостиной – она стояла на стремянке, а Костя страховал...

Ох, если бы они стали вместе тогда! Каким полнокровным и сильным стал бы их союз! И дети у них обязательно родились бы!

Как яростно она тогда мечтала, просто жила в грезах о том, что Костя разглядит под невзрачной внешностью сильное и преданное сердце и поймет, что только с ней может быть счастлив. Закрыв глаза, Маргарита ярко представляла себе, как это будет, и сжимала кулачки от отчаяния и бессилия перед жестокой реальностью.

Стыдно сказать, но когда Давида забрали в армию, Маргарита волновалась не о нем. Она не думала ни про дедовщину, ни про Афганистан, ни про иные опасности. Другая

мысль заставляла ее страдать – пока Дава исполняет воинский долг, Костя не придет к ним в гости.

Какова же была ее радость, когда она поняла, что ошиблась! Если бы она была не так влюблена и интересовалась не только своими чувствами, то заметила бы, что отец нашел в Косте то, что отчаялся вызвать в детях и внуке – страстный интерес к русской словесности, и сделал его своим учеником.

Костя теперь приходил к папе, они закрывались в кабинете, через некоторое время Маргарита стучалась и предлагала чай, и подавала его на серебряном подносе, стараясь думать, что выглядит не как горничная, а как настоящая английская леди.

Она готовила печенье, знала, что оно очень вкусное, и мечтала, чтобы папа рассказал Косте, какая домовитая у него дочка и как замечательно стряпает. Только вряд ли отец когда-нибудь это сделал – он был слишком увлечен своей работой, чтобы думать о том, что ест.

Маргарите нравилось читать, но в качестве профессии ей хотелось избрать какое-нибудь земное и конкретное дело, стать доктором, например, или поваром. Или милиционером она тоже не отказалась бы служить. Все интереснее, чем рассуждать о каких-то оттенках смыслов, когда все очень просто. Книга или нравится, или не нравится, и никакими научными статьями не убедишь человека полюбить, например, Достоевского, и разлюбить Конан Дойля.

Только для врача она была тупа и нерешительна, а повар и милиционер, наоборот, – слишком тупо для девочки из хорошей семьи, вот и пошла она на филфак, и сделала это по одной-единственной причине – там Костя Рогачев учился на пятом курсе и собирался остаться в аспирантуре.

Папа к тому времени уже умер, но мама подняла все связи, и Маргарита поступила и снова подружилась со своим племянником Давидом ради того, чтобы оказаться поближе к Косте. Только это оказалось лишней предосторожностью – Костя и без того стал заботиться о ней, потому что Маргарита Дымшиц – дочь его покойного учителя.

«Я ваш рыцарь, прекрасная Маргарита!» – провозглашал он, и прекрасная Маргарита не понимала, что делать – надеяться или отчаиваться.

Ох, как много лет она была прекрасной дамой этого рыцаря! Чудесной и замечательной, лучшей девушкой на свете, тонкой, умной, светлой и черт знает еще какой! Иными словами, она была другом. Как теперь говорят, френд-зона.

Маргарита усмехнулась. Скорее всего, так уже не говорят. Молодежный язык тем и хорош, что когда изобретенное юными умами словечко доходит до людей средних лет, то уже безнадежно устаревает.

Но архаизм – не архаизм, а термин очень четко обозначает отношения, бывшие у них с Костей в течение десяти лет.

Он дружил, а она любила, тщательно скрывая свои истинные чувства. Это не трудно делать, когда другая сторона все-

ми силами старается ничего не замечать.

Костя считал ее таким хорошим другом, что исповедался в любви к красавице Оксане. Оказывается, он много лет надеялся, что она все же поймет его чувства, а Оксана взяла и вдруг вышла за Давида.

Маргарита, как могла, утешала Костю, а в глубине души радовалась, что так получилось, и недоумевала – как Оксана, женщина редкой красоты и обаяния, отвергла Константина и выбрала в мужа Давида, не только невзрачного, но и довольно скучного парня. Неужели оттого, что Давид из богатой семьи со связями, а у Кости есть только одна мама – учительница истории?

Она заставляла себя сочувствовать Косте, потому что знала, какую боль причиняет неразделенная любовь, но испытывала только счастье, что Оксана ему отказала, оставив бледный шанс девушке-другу. И все равно собиралась ненавидеть Оксану, как бы за то, что отказала. А на самом деле конечно же за то, что Костя ее любил.

Только на ненависть у Маргариты никогда не хватало духу. Оксана такая милая, и Давид с ней счастлив...

А когда родился Петенька, злость стала невозможной.

У сына Давида и Оксаны обнаружилась врожденная опухоль. Бедному ребенку не посчастливилось родиться в тяжелое, смутное время. Самые дикие и лихие годы уже отошли, но без денег в больнице все равно делать было нечего, а для лечения той болезни требовались очень большие, просто за-

предельные суммы.

Средства легко нашлись бы, согласись мама расстаться с коллекцией живописи, собранной в ее семье, но увы... «Только безумец продает сейчас произведения искусства», — отрезала мама.

Приходили Давид с Оксаной вместе и поодиночке, плакали, умоляли, но ничего не добились. Маргарита во время этих разговоров пряталась у себя, не хотела быть свидетельницей их унижения. Один раз попробовал даже Костя. Он пришел без приглашения и надолго закрылся с мамой в отцовском кабинете. Говорили очень тихо, но Маргарита вдруг услышала мамин смех и воспряла духом — неужели Костя пробился?

Нет, у него тоже ничего не получилось, и Маргарита до сих пор не могла понять — над чем можно было тогда смеяться?

Если бы дело было не в спасении жизни ребенка, она ни за что не осмелилась бы поговорить с мамой, а тут вдруг набралась духу.

Мама сказала, что ребенок все равно умрет. Надо смотреть правде в глаза. Хорошо, она поверит лживым обещаниям врачей и продаст коллекцию, несколько поколений бывшую достоянием семьи, и ради чего? Чтобы у родителей не возникло потом чувства вины? Семья сохранила шедевры в блокаду, голодала, лишь бы не утратить бесценные полотна, а теперь она должна все разбазарить ради спокойной сове-

сти безутешных родителей? Нет, это, может, и стоит того, если бы не было связано с лишними мучениями для ребенка. «Я не хочу брать на себя такой грех – оплачивать Петеньке несколько месяцев дополнительных страданий, – сказала мама. – Оксана просто законченная эгоистка и этого не понимает. А я понимаю. Маргарита, я тоже потеряла сына, поэтому теперь имею право принимать правильные решения».

Напрасно Маргарита убеждала маму, что врачи лучше знают и просто так деньги вымогать не станут. Что если есть хоть один шанс, надо использовать его, а картины... Да бог с ними!

Если уж мама так не хочет продавать полотна, можно начать с украшений, не имеющих большой художественной ценности.

Как она жалела, что папа не дожил! Он был такой добрый человек, так любил детей, обязательно заставил бы маму хоть чем-то поступиться ради Петеньки. Только папа давно умер, еще когда Дава служил в армии.

В отчаянии Давид с Оксаной продали комнату и стали снимать жилье. Мать ухаживала за ребенком, а отец носился от ученика к ученику.

Это было не то время, которое хотелось удержать в памяти, и, к счастью, многое действительно забылось, так что теперь непонятно, действительно ли она решила не поступать в очную аспирантуру из-за болезни Петеньки или это сейчас видится себе такой благородной? По прошествии лет

всегда можно придумать красивое объяснение даже некрасивым поступкам. Нет, постойте, кажется, она вправду отказалась от очной аспирантуры добровольно. Надеялась, если маме не придется больше кормить взрослую дочь, она поспеет. Или нет? Или боялась, что не потянет науку? Ох, если признаваться до конца, то ей просто хотелось работать вместе с Костей, раз уж не выходит стать его женой. Она – однолюб.

Лечение требовало все больше денег, и вскоре в доме снова стали появляться Давид и Оксана с исплаканными лицами. Теперь они не стеснялись унижаться, Оксана падала на колени перед мамой, билась головой о пол, а Маргарита боялась ей сказать, что это не работает. Никогда не работало.

Один раз она видела лицо Оксаны на третий день после такого визита – это был сплошной кровоподтек.

Тогда Маргарита решилась украсть что-нибудь из драгоценностей. Да, мама обещала заявить на родную дочь, но лучше уж сесть в тюрьму, чем все это видеть.

Только вернувшись домой с твердым решением обчистить родное гнездо, Маргарита обнаружила пустые стены и большой несгораемый шкаф в кабинете.

– Оксана совсем обезумела, – улыбнулась мама, – того и гляди наведет на нас каких-нибудь бандитов.

Петенька умер, дожив только до четырех лет. Все эти годы Маргарита помогала Давиду – занималась с его ученика-

ми, откладывала немного со своей невеликой зарплаты на Петенькины нужды. Только привязаться к обреченному ребенку у нее, малодушной, не хватило сил. Она старалась не видаться с Петей, впрочем, Оксана к нему и так никого не подпускала.

Со временем Маргарита признала мамину правоту: пусть бы ребенок умер раньше, но без мучений от операции и химиотерапии.

Мама никогда не была жадной и не продала картины только потому, что это было бы неправильно. Хорошо, что малыш умер, когда не мог еще понять, что с ним происходит. Так было лучше для всех.

А следующий день после похорон ребенка вдруг подарил ей счастье... Маргарита помнила его как сказку, как прекрасный сон, потому что в жизни никогда ничего не сбывается.

После обеда Костя пришел на кафедру с огромным букетом роз и опустился на одно колено перед ней, оцепеневшей от изумления и восторга.

Мама сказала бы, что эта «театральность пахнет дурновкусием», но Маргарите было все равно. Принц филфака склонился перед ней, невзрачной и глупой дурнушкой, — сказки иногда становятся былью.

Потом, когда присутствовавшие, в лучших традициях голливудских фильмов, им покричали и похлопали и удалось

наконец остаться вдвоем, Костя признался, что давно любит Маргариту, просто, дурак, принимал настоящую любовь за дружбу. Ему всегда было с ней хорошо и легко, как ни с одним другим человеком.

– Обещаю, что мы будем с тобой очень счастливы! – сказал Костя.

И они были. Пока кто-то не решил все уничтожить.

* * *

Зиганшин ел картошку и думал, что сам пожарил бы намного вкуснее. Но сказать об этом нельзя – Фрида устает с детьми и не может готовить ему разные вкусности, как раньше.

Он вдруг заметил, как сильно подурнела жена. Лицо осунулось, появились мелкие морщинки вокруг глаз, и вся она будто полиняла, поблекла. После болезни Фрида постриглась, и ей это шло, но теперь волосы отросли и лежали как попало. Похоже, она сегодня вообще не причесывалась. На плече футболки Зиганшин увидел пятно – кто-то из близнецов срыгнул, а она и не заметила. Мстиславу показалось, что от пятна пахнет кислятиной, и он отодвинул тарелку.

– Спасибо, Фрида, сыт.

– Чаю?

Он покачал головой и встал. Десятый час, дети разошлись по своим комнатам, и близнецы, редкий случай, спят. Мож-

но и самому на боковую.

– Славочка, нужно купить новую стиральную машину, – мягко сказала Фрида, усаживая его обратно, – наша уже на ладан дышит и вообще не справляется с возросшими объемами.

Зиганшин кивнул. Стиральная машина хорошо служила ему много лет, но теперь действительно выжимала из себя последнее. Она адски выла и стучала на весь дом и, хуже того, стала протекать. Зиганшин приспособился засовывать под нее противень и сливать накопившуюся воду (все равно Фрида теперь пирогов не пекла), но это, конечно, был жалкий паллиатив. У него-то рука твердая, а Фрида разливала все, не донеся до таза.

– И давай тогда посудомойку сразу закажем, хорошо? Во многих местах дают скидку на вторую покупку.

Фрида хотела его обнять, но Зиганшин отстранился – пятно на ее футболке было очень противное.

– Все? – спросил он. – Посудомойку только или еще что-то хочешь?

Фрида нахмурилась:

– Это сарказм, что ли, я не поняла?

– Все ты поняла, – буркнул Зиганшин.

– Нет. Слава, мне правда очень нужна посудомойка! Нас стало теперь семеро...

– А близнецы уже пользуются ножом и вилкой? Кажется, я что-то пропустил!

– Боже, какой искромётный юмор! – фыркнула жена. – Они едят, на минуточку, шесть раз в день, то есть я мою их рожки двенадцать раз, плюс бутылочки с водой. Славочка, ну правда! Света мне очень помогает, но нельзя же превращать девочку в прислугу, тем более мы ее не спрашивали, когда усыновляли этих детей.

«Лучше бы спросили, – с горечью подумал Зиганшин, – вдруг у Светки хватило бы ума нас остановить». Вслух же он произнес совсем другое:

– Фрида, мы сейчас живем хорошо если в ноль, а чаще в минус. Не в плюс точно. С коррупционными схемами я завязал. Почти. Почти совершенно, – подумав, уточнил он, – не хочу говорить заранее, чтобы не сглазить, но не исключено, что меня повысят, и тогда я хотел бы иметь руки свободными.

– В смысле?

– Не хочу быть повязанным, Фрида. Я не дурак, и если меня назначат, мог бы сделать много, но для этого нужно, чтобы на меня не было компромата.

– Это правильно, Слава.

– Ага, – сказал Зиганшин кисло, – если вдруг меня назначат, то я стану получать очень неплохо, но пока давай повременим с крупными покупками.

– Слава, ну пожалуйста! У меня уже в глазах темнеет от этой посуды!

– А у меня от того, что я один кормлю семь ртов!

Зиганшин знал, что потом пожалеет, но остановиться уже не мог:

– Я не сплю точно так же, как и ты, но каждое утро встаю и еду на службу, и не потому, что очень этого хочу, а потому, что делаю свое дело. Выполняю свой долг и не ною: купите мне то, купите это. Обхожусь тем что есть и не шарахаюсь целыми днями всклокоченный и в пижаме!

– Это не пижама, а домашний костюм.

– Это пижама, Фрида! Причем заблеванная!

– Где? Ой, да, – жена заметалась, оглядывая себя, и покраснела, – прости, не заметила. Сейчас переодену.

– А надо замечать! – Из-за детей повышать голос было нельзя, приходилось орать шепотом, что придавало ссоре какую-то нелепую театральность. – Ты опустилась, Фрида, и не хочешь ничего делать, вот и всё!

Жена молча вышла из кухни. Зиганшин посидел, подышал, потрепал подошедшую Найдю по широкому лбу и взялся мыть свою тарелку, размышляя о том, какая он скотина.

Сполоснуть один прибор за собой и то требуется время, а Фриде сколько всего приходится мыть! Кастрюли, сковородки, страшно подумать! По полдня тратит на одну только посуду, а надо еще еду приготовить, постирать, погладить, причем пеленки с двух сторон, потому что Фрида считает памперсы злом и пользуется ими только для прогулок и в исключительных случаях. Надо подмести, вытереть пыль, помочь детям с уроками, приголубить маленькую Свету и сде-

лать еще кучу разных женских дел, о которых он даже не знает, а просто пользуется результатом.

Так если есть возможность хоть немного облегчить человеку труд, надо это сделать, а не взывать к героизму и не унижать, чтоб знал свое место!

Да, пора ему на повышение, ибо науку управления людьми он, кажется, вполне освоил!

Зиганшин поморщился, так ему стало стыдно. Малюсенькое пятнышко, в другой раз он бы его и не заметил. Прическа не идеальная – так можно подумать, он хоть раз отвез жену в город! Сидит она тут с малышами как пришитая, а в их глухомани парикмахеров нет.

Зиганшин вышел в гостиную. Фрида переоделась в нарядный халатик, слишком легкий для зимы, и гладила пеленки на столе, подложив старое армейское одеяло, которое Зиганшин когда-то где-то стащил, но уже не помнил, когда и где.

Волосы она пригладила, как могла, и прихватила Светиным обручем, но они упрямо торчали в разные стороны.

– Сама выберешь или мне заказать?

– Ничего не надо.

– Нет, ты права. Хочешь, я доглажу, а ты пока посмотри, где лучше.

– Да подавись ты своими деньгами! – вдруг выплюнула Фрида.

– Что значит «подавись»? Будто я эти деньги пропиваю!

– Все, я сказала, ничего не надо. Разговор окончен.

– Нет, Фрида! Ты вот реально лучше бы ударила меня сейчас, чем сказать такое! Ты же знаешь, для чего мы бережем деньги.

Она вздохнула и примирительно улыбнулась:

– Да, прости. Я просто подумала, что до весны еще далеко.

– Я же говорю, мы живем в ноль, и если сейчас разбазарим эти деньги, то снова не скоро соберем.

– Ну, может, попозже чуть-чуть. Не ранней весной.

Глаза жены наполнились слезами. Несколько капель упали на пеленку и испарились под утюгом.

– Все говорят, лучше ставить, когда земля осядет, – всхлипнула она.

– Господи, Фрида! Я просто хочу поставить хороший памятник нашему сыну, вот и все. А ты говоришь – подавись. Тебе все равно?

Она покачала головой.

– Иногда мне кажется, что ты забываешь о том, что у нас с тобой был ребенок. Ты поглощена близнецами и не думаешь, что у нас с тобой был сын, который теперь лежит на кладбище. Ты даже ни разу не просила меня съездить к нему с тех пор, как появились эти дети.

– Но сейчас зима, все занесло снегом.

– Нет, не занесло. Там хорошо. Я расчистил дорожку и как следует укутал могилку еловыми лапами, чтобы у нас было место, где мы могли бы его вспоминать, потому что он у нас был, и будет предательством, если мы о нем забудем.

Фрида молча продолжала гладить.

Зиганшин разглядывал веселенький рисунок детской фланели: множество одинаковых собак, высунув языки, ехали куда-то на велосипедах. Совсем скоро ему придется учить близнецов этому нехитрому искусству.

Будет бегать, вывалив язык, как те собаки, и страховать детей, пока они не научатся держать равновесие, а его собственный сын так и останется лежать под землей.

И красивый памятник ничего не изменит. Абсолютно ничего.

– Знаешь, Слава, – сказала Фрида задумчиво, – тебе важно ходить на могилу, а для меня наш сын всегда со мной. Я полюбила этих детей, потому что люблю его и помню, и когда я счастлива, что у меня есть все вы, я думаю и о нем тоже. Помнить – это не значит горевать и отчаиваться, а совсем наоборот.

– Что наоборот?

Фрида сложила пеленку вдвое и стала методично водить по ней утюгом.

– Мне кажется, ты просто наказываешь меня, – вздохнула она, – считаешь, что я не имею права радоваться жизни, раз больше не могу тебе родить, вот и все.

* * *

Отправив текст редактору мужа, Маргарита почувствова-

ла себя немного преступницей, но не злодейкой, а обаятельной мошенницей из хорошей комедии, персонажем, которому она всегда сочувствовала.

Кроме переработанного текста своей неоконченной диссертации, Маргарита отослала редактору и другие очерки мужа. Она ничего там не исправила, только убрала парочку лишних запятых, к которым Костя питал слабость, но после прочтения в голове засела лихая мысль, что она сама тоже способна написать что-нибудь подобное, если как следует постарается.

При жизни Кости у них был уговор – она не читает его книги, потому что это для широкой аудитории, а она все-таки филолог. «Не хочу, чтобы мне пришлось перед тобой краснеть», – говорил Костя.

Она держала слово, пока он был жив, а теперь пришлось вторгнуться в его внутренний мир, который Костя при жизни так тщательно оберегал от посторонних.

Отец тоже никому не позволял заглядывать в свои бумаги. Маргарита грустно улыбнулась. Говорят, что девушки влюбляются в мужчин, похожих на своих отцов. Что ж, внешне Костя и папа были совсем разные, а характеры и привычки у них оказались один в один.

Оба терпеть не могли, когда «чужой мои читает письма, заглядывая мне через плечо».

Когда папа умер, маме из-за его скрытности пришлось пережить немало неприятных минут. На кафедре была создана

комиссия по папиному научному наследию, и эти бестактные люди требовали, чтобы мама выдала им папины бумаги, которых, по их расчетам, должно быть много, а не только черновики и наброски. Им якобы доподлинно известно, что папа готовил фундаментальный труд по русской классике.

Они с мамой честно перетрясли всю квартиру, съездили на дачу, но ничего не нашли. Костя принес из дому несколько тетрадей, где записывал папины мысли, и на этом всё.

Что-то обнаружили на кафедре, в рабочем кабинете папы, но это оказались всего лишь заметки, обрывочные записи, понятные только их автору.

Маргарита не удивилась – у отца была замечательная память. Он сначала весь текст выстраивал в уме, а потом только садился и записывал. Так что ничего он не почивал на лаврах последние годы, а напряженно работал, просто не успел перенести на бумагу результаты своего труда.

Наверное, и Костя тоже держал в голове множество идей и замыслов, о которых теперь никто и никогда не узнает.

От этой мысли стало так грустно, что Маргарита поехала в гипермаркет.

...Подойдя к холодильнику с хорошими сырами, Маргарита улыбнулась продавщице и хотела, как обычно, спросить двести граммов рокфора, но вдруг вспомнила, что Кости больше нет и есть сыр некому.

Взглянув в свою тележку, она чуть не ахнула. Задумав-

шись, Маргарита набрала привычный ассортимент, будто Костя ждет ее дома. Утка, кусок печени для паштета, помидоры черри и рейхан, который она терпеть не может. Даже бутылку крымского вина не забыла, дура!

Раскладывать товар обратно на полки показалось ей неуважительным по отношению к другим покупателям, и Маргарита покатила на кассу, пока не нахватала в забытии что-нибудь еще.

Возле полок с шампунями ее вдруг окликнули:

– Маргошка!

Она вздрогнула, услышав это имя из студенческих лет. Озорное и энергичное, оно никогда ей не подходило...

– Привет! – толкая перед собой тележку, ошестинившуюся горлышками бутылок, как пиратский корабль пушками, к ней неслась Лена Сиваева, однокурсница и подруга. Хотя таких подруг, как Маргарита, у красавицы Лены была целая толпа.

Маргарита натянуто улыбнулась.

Хорошо, что она надела шубку, и сейчас выглядит не беднее Лены, хоть и далеко не так элегантно. Ну что тут поделать, не всем дано... Ладно, главное, сейчас придумать, как не дать вовлечь себя в тайфун сплетен.

Оттолкнув свою тележку, Лена крепко обняла Маргариту и расцеловала.

– А это Вадим, – сказала она, выпустив старую подругу из объятий.

Маргарита посмотрела. На заднем плане маячил плюгавенький мужичок без шапки в расстегнутой куртке «пилот». Ноги в светлых не по сезону джинсах имели легкую кавалерийскую кривизну.

«Смешной», – неожиданно подумала Маргарита. Лицо у мужичка было некрасивое, треугольное, рот тонкогубый и тоже слегка кривой, будто прорубленный одним небрежным сабельным ударом, а волосы над непропорционально большим лбом топорщились трогательным детским вихром.

Вадим улыбнулся ей, показав морщины, резкие, тоже будто прорубленные.

Маргарита удивилась, что Лена, с ее-то стандартами, вышла за такого страшка, и тоже выдавила из себя улыбку.

Вот дернул же черт поехать в магазин!

– Ну как ты, держишься? – спросила Лена, заглядывая ей в глаза с участием, показавшимся Маргарите показным.

– Держусь.

– Я хотела тебе звонить, но, сама знаешь... Боялась показаться навязчивой, все же столько лет мы не виделись с тобой.

Маргарита неопределенно пожала плечами.

– Может быть, что-то нужно? – не унималась Лена. – Ты скажи, и вообще звони, и в гости приходи, не пропадай! Друзей юности забывать нельзя!

Маргарита кивнула, трусливенько порадовавшись про себя, что горе искупает невежливость и апатичность.

Она покосилась на тележку Вадима: тоже доверху набита. Или большая семья у них, или закупаются к какому-нибудь приему, на который Маргариту, естественно, не пригласят. Ее теперь больше вообще никуда не пригласят, потому что все друзья семьи были со стороны мужа.

Лена предложила подвезти, но Маргарита уже устала от бурного и неискреннего сочувствия и соврала, что вызовет себе такси. Якобы она всегда так делает.

На прощание Лена еще раз обняла ее и воскликнула:

– Обязательно звони, не пропадай!

«Я бы не пропала, – подумала Маргарита, оставшись одна возле стойки такси, – если бы ты в свое время не хотела увести от меня мужа».

Брать машину – ненужное барство, но будет неприятно, если Лена увидит, как бедная вдова чешет с сумками к маршрутке.

Маргарита поднялась на второй этаж торгового центра, откуда открывался прекрасный вид на парковку.

Почему-то у нее никогда не было близких подруг, ни в школе, ни в университете, и потом, на работе, тоже как-то не сложилось.

Маргарита искренне хотела доверять людям, но раз за разом они доказывали, что делать этого не стоит. Та же Лена – вроде добрая и умная девушка, но заигрывала с Костей у Маргариты за спиной, надеялась очаровать его своей карамельной прелестью.

А теперь лезет с поцелуями как ни в чем не бывало: «звони, не пропадай!»

«Не пропаду!» – усмехнулась Маргарита.

Мама была права, когда говорила, что умному, интеллигентному и порядочному человеку очень трудно найти себе друзей. Нужно крепко держаться семьи и искать близких в родственном кругу, а не где попало. Девять из десяти предадут и продадут, и не поморщатся.

«Помни, Маргарита, когда человек оказывается к тебе слишком близко, он может не только обнять, но и ударить».

И все же она не чувствовала себя одинокой. У нее был Костя Рогачев, сначала недостижимый прекрасный принц, к которому она убегала в своих мечтах от грустной жизни, потом – настоящий и преданный друг, почти брат, а потом – муж, с которым она была счастлива так, как редко выпадает на долю земной женщины.

Только он ушел, и она тоже убежит из реальности, теперь не в мечты, а в безнадежные воспоминания...

Тут наконец на парковке показались Лена с Вадимом. Подойдя к шикарному джипу, они выгрузили покупки в багажник, а потом Лена села на водительское место.

Маргарита слегка позавидовала и вдруг сообразила, что тоже может взять со столика в прихожей ключи с дорогим кожаным брелоком, спуститься во двор, открыть «мерседес» мужа, сесть за руль и поехать. Права у нее есть и машина

куплена на ее имя, Костя ездил по генеральной доверенности.

Пожалуйста, Маргарита, рули сколько хочешь! Никто теперь не предостережет, что она слишком нерешительная и рассеянная, чтобы водить машину.

Маргарита усмехнулась. Хорошо, если она доедет до первого столба, а если до первого пешехода?

Если вдруг попадет в аварийную ситуацию, ни за что не сумеет сосредоточиться и найти правильный выход, а не попадет, так не замедлит сама эту ситуацию создать. Нет, вождение – это не для нее. Кстати, вот и решение насущных финансовых проблем на первое время – продать машину. «Мерседес» дорогой, муж ездил очень аккуратно, так что миллион рублей за него можно будет выручить, а это хороший памятник и год жизни. Или даже полтора.

Странно, почему она сразу не вспомнила о машине как об источнике денег? Про драгоценности подумала, а про «мерседес» – нет, хотя тысячу раз перекладывала ключи от него с места на место, вытирая пыль в прихожей.

Она еще немного понаблюдала, как к машинам и от машин идут люди. В основном парами, но есть и с детьми. Вот молодая мать толкает перед собой тележку, оскальзываясь на ледяной корочке асфальта, а отец несет на плечах ребенка в ярком комбинезоне. Вот еще муж с женой, держат за руки малыша, и даже отсюда, с высоты, видно, что второй у них на подходе. Есть и одинокие, но мало, и, судя по нагруженным

тележкам, дома их кто-то ждет.

Жизнь... Каково оно на вкус – простое человеческое счастье? Не выстраданное, не вымечтанное, а просто упавшее на голову в двадцать лет?

Пожениться «по залету», а не по великой любви, родить здорового ребенка, а потом второго, когда мужу станет ясно, что совместная жизнь выносима и даже иногда приятна.

Понимают ли эти люди, что счастливы, или не ценят своего благоденствия и сытости и втайне томятся по чему-то настоящему? По тому, что довелось пережить ей и что теперь никакая смерть у нее не отнимет...

Тут размышления Маргариты были прерваны телефонным звонком. Она даже вздрогнула от неожиданности – так редко оживал ее мобильный. Оказался редактор мужа, отчитался, что текст получил, но пока с ним не работал, и спросил, все ли это материалы Константина Ивановича или есть что-то еще?

– Я не знаю, – вдруг вырвалось у Маргариты, – я еще не разбирала документы мужа.

– Понимаю и нисколько вас не тороплю.

– Это было в папке «новая книга», – вдохновенно врала Маргарита дальше, изумляясь самой себе, – поэтому я так быстро вам переслала. Знаю, что написание книг – это творчество, а издание – производство, и оно не должно проставать, вот и открыла компьютер мужа, но пока не в силах смотреть все его документы. Кроме того, он много писал от

руки...

Выслушав обещания редактора ждать столько, сколько потребуется, Маргарита зашагала на остановку. Конечно, она не станет писать статьи и продавать их как творчество мужа! Ни за что не станет. Это низко. Но, черт побери, приятно хоть на секунду почувствовать себя человеком, способным на такое.

* * *

Зиганшин сидел в кабинете мрачный и искал на чем бы сосредоточиться, чтобы не думать о Фриде. Никак у них не получалось помириться по-настоящему!

Он извинялся, заказал лучшую стиральную машину и посудомойку из тех, что мог себе позволить, но ничего не помогло. Фрида держалась с ним спокойно, но холодно, и в конце концов он сам вспылил, наорал, что если ей что-то мерещится, то это ее личные проблемы, а он не обязан постоянно разгонять чужие галлюцинации. И в конце концов, он дома имеет право быть самим собой, а не ходить все время вывернутым наизнанку, лишь бы только Фридоchка ничего плохого не подумала. Жена ответила, что разрешает ему быть любой сволочью, как только его душеньке будет угодно, и взамен просит одно – чтобы он оставил ее в покое.

Зиганшин оставил и чувствовал себя очень плохо. Они ссорились и раньше, но после этой размолвки между ними

будто появилось что-то страшное, холодное и чужое, и Зиганшин знал, что просто помириться теперь будет недостаточно. Прежде они должны будут вместе посмотреть в глаза этому чужому и уничтожить его, иначе оно затаится и потихоньку будет расти, пока не окрепнет и не сожрет их обоих.

«Неужели она не понимает, что я хотел одного своего ребенка, а получил троих чужих? – думал Зиганшин с горечью и обидой. – У нее материнский инстинкт, соски-пеленки, все это на уровне биологии. А мне что делать? У меня таких гормонов нету, чтобы скорбь моя заглохла. Не производит их мой мозг или что там ответственно за всю эту лабуду. Она уже всерьез думает, будто сама родила близнецов, а мой сын – для нее его будто бы и не было. Когда его достали, она была в наркозе, и хоронил я его один. Вот она и несет всякую чушь – когда земля осядет. Так гробик был крошечный, меньше колыбельки, земля давно над ним осела... Но она ничего этого не видела, потому что была на грани жизни и смерти. Конечно, ей удалось себя убедить, что это она близнецов выносила, а не нашего с нею ребенка. Здоровый мозг защищается от горя, и слава богу!»

Макс Голлербах, мощный специалист в области психиатрии, когда-то говорил ему, что у молодых матерей блокируется негативная информация, чтобы они могли сосредоточиться на ребенке. Биологический механизм, обеспечивающий потомству выживание. Хорошо, если так, но у него-то этого механизма нет! Только всем плевать. Никто в семье и

не подумал, что он тоже страдает.

Сначала пришлось держаться из-за Фридиной болезни, потом появились эти дети... Не дали ему распусться и погоревать. Но разве сказали спасибо, что он удержал семью, когда все готово было рухнуть? Черта с два! Опять упреки, видите ли, он не так весел, как Фриде теперь хотелось бы!

Ей теперь не нравится, что он грустит! «Ты мне мстишь, что у тебя полные штаны генетического материала, а я не могу его воспринять!» – в сердцах выкрикнула Фрида. Он ответил, что мысль о бесплодности жены – единственное, что как-то скрашивает его существование, потому что если вдруг в доме появится еще один ребенок, он пойдет и застрелится.

После этих слов супруги не разговаривали, и Зиганшин не знал, как все исправить, а главное, как перестать злиться на Фриду.

Вдруг эти горькие мысли перебил звонок Анжелики Станиславовны. Зиганшин поморщился, но трубку все-таки взял.

– Привет, дорогой! Я что звоню... Ты берега-то видь, родимый!

Зиганшин нажал на отбой. Через секунду ожил городской телефон.

– Слушай, тут что-то связь барахлит, разъединилось...

– Не «лось», а «лся».

– Что? Какой лось?

– Анжелика Станиславовна, меня зовут Мстислав Юрьевич. Если трудно выговорить, то товарищ подполковник. Когда мне в служебное время тыкают и говорят «родимый», я считаю, что люди ошиблись номером. Или дверью.

– А, да?

– Да, Анжелика Станиславовна.

– Ну не знаю, я привыкла, чтоб по-простому...

– Деловой этикет – это довольно просто.

– Ну ладно, товарищ подполковник, Мстислав Юрьевич, что ты себе позволяешь, родной? То есть позволяете!

Она сделала эффектную паузу, видно ждала, что собеседник вскипит или начнет оправдываться, но Зиганшин молчал.

– Что это за партизанщина? Опера роют, а я знать не знаю. Разве так делают, род... товарищ подполковник?

– Вы хотели, чтобы я вник. Я вник.

– Ну так со мной надо было обсудить, родной ты мой! То есть вы! Вы-вы-вы!

Зиганшин засмеялся. Упрек был не совсем несправедлив.

– Хорошо, Анжелика Станиславовна, буду помнить, что вы лицо процессуально самостоятельное.

– Ну то-то! Слушай, а может, пересечемся? Потрещим? Обменяемся информацией да и наметим стратегию? А? Так-то оно веселее пойдет! Знаешь что, давай-ка ты ко мне прямо сегодня в гости приходи! Ой, прости, приходите! Вы, Мстислав Юрьевич, товарищ подполковник, приходите в гости!

– Не могу, Анжелика Станиславовна. Спасибо, но я человек семейный.

– Ну так с семьей и приходи! Познакомимся как раз, дело-то у нас, чай, не последнее!

Зиганшин сдержанно проинформировал настырную даму, что обременен семьей с маленькими детьми, и поэтому служебными вопросами занимается исключительно в служебное время. Он дал расследованию новый толчок, а дальше Анжелика Станиславовна пусть сама глобалит.

– Обидно как! Ты вроде парень башковитый, да и вообще я считаю, что коллеги должны дружить семьями. Это великая сила. Что, неужели один жалкий вечерок не выкроишь?

– Боюсь, что нет. Дети совсем еще маленькие. Давайте мы по мере накопления информации встретимся или у меня в кабинете, или у вас, и спокойно все обсудим.

– Не азартный ты человек, – вздохнула собеседница, – ну, может, все-таки соберетесь вместе с супругой. В выходные, например.

Зиганшин сдержанно попрощался, но упрек задел его, поэтому пришлось вызвать Васю Шаларя и спросить, как там продвигаются поиски таинственного наследника.

Вася сказал, что пока никак. Мать Дымшица не усыновляла детей мужа, потому что к моменту ее вступления в брак пасынки были уже совершеннолетние. Сейчас один живет в Новосибирске и является вполне состоятельным человеком, а другой так вообще депутат. Троюродного брата Рогачева

сейчас проверяют омские оперативники, но там тоже, похоже, глухо. Приличный человек, работает невропатологом, жена – медсестра. Есть двое детей, но они еще слишком маленькие, чтобы в чем-то их подозревать.

Небольшие сложности возникли с поисками отца Оксаны Максимовны. Выяснилось, что в советское время он сделал неплохую карьеру, дорос до директора домостроительного комбината. Потом началась перестройка, приватизация, отец самозабвенно включился в эти игры и какое-то время рулил крупным бизнесом, но потерял осторожность, и все рухнуло.

Глава семьи вроде бы не умер, но бесследно пропал, и оставалось только гадать – то ли убит конкурентами и закопан где-нибудь в лесу, как было заведено в те непростые годы, то ли добровольно исчез, чтобы защитить жену и дочь. В общем, судьба его была не так важна, потому что никаких детей, кроме Оксаны, за ним не числилось.

Мстислав Юрьевич вздохнул. Если бы преступник достиг своей цели, сейчас нотариусы бы метались в поисках наследника и уголовному розыску осталось только проверить его на причастность. Но что-то пошло не так, Маргарита с Дымшицем остались каждый при своем, поэтому оперативникам самим придется составлять генеалогическое древо и искать на нем гнилой побег.

Может, проще зайти с другой стороны? Зиганшин спросил, как продвигаются поиски сообщника, и получил ожида-

емый ответ, что тот как сквозь землю провалился.

Хотя это странно... Да, установить личность на основании одних только свидетельских показаний удастся редко, но всегда находится человек, который что-то заметил. А тут — полный ноль, а ребята тщательно искали. Провели несколько поквартирных обходов, говорили с продавцами близлежащих магазинов и официантами кафе через дорогу. Шаларь, артист своего дела, выяснил, что в кафе гуляла свадьба, и не поленился опросить гостей, не видели ли они случайно человека, несшего пакет с картинкой из ярких роз или просто большую сумку.

Нет, никто ничего не заметил, даже глазастые пенсионерки. Ни подозрительного человека, ни пакета.

А это странно, вдруг сообразил Зиганшин, если учесть, что звонок раздался сразу в дверь, а не в домофон. Так показала Маргарита, и пока нет оснований ей не верить.

Как может чужой человек попасть в парадное? Или войти с кем-то, или позвонить в другую квартиру. Мол, надо к Дымшицам, а они не отвечают. Или: здрасте, я ваш новый почтальон, откройте, пожалуйста, а то мне ключа еще не дали.

Допустим, так. Но где тогда свидетели? Неужели настолько боятся признаться, что из беспечности впустили злоумышленника?

Зиганшин представил себя на месте злодея. Если бы он отдал людям сумку со взрывчаткой, то постарался бы сва-

лить как можно скорее. Но никто не видел торопящегося человека ни непосредственно перед взрывом, ни сразу после.

О чем это говорит? Действовал профессионал? Или просто гражданам на все плевать?

Зиганшин очень хотел помириться с женой. На выезде из города джип немножко закрутило по льду, он еле удержал руль и чуть не выехал на встречку. Скорее всего, обошлось бы максимум мятым боком, но все равно возникло в душе чувство почти невыносимой чистоты и свежести, как бывает, когда только-только избежишь опасности.

Все обиды на Фриду показались глупой шелухой и тут же исчезли. Она женщина, а он – сам дурак, вот и все. И совершенно зря он бесился, что один терпит. Так и надо, потому что физически пострадала Фрида, а не он, она приняла на себя удар, поэтому ему сам Бог велел терпеть все остальное.

По дороге Зиганшин придумывал разные варианты своей капитуляции, и все они казались такими хорошими, что не терпелось поскорее обнять жену.

Только когда он вошел в дом и сказал: «Фридочка!» – она окатила его таким ледяным взглядом, что слова застряли в горле.

– Мстислав, разреши попросить тебя об одной вещи, – процедила жена, войдя вслед за ним в ванную.

Зиганшин застыл с намыленными руками.

– Ты можешь делать все, что тебе вздумается, но я бы хо-

тела, чтобы ты выбирал себе таких любовниц, которые не станут звонить мне и учить жизни.

– Не понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.